

М. Ф. Видясова
В. В. Орлов

АЛЖИР

У ТРЕХ

ДОРОГ

Исламский и доисламский мир: история и политика

Мария Видясова
Алжир у трёх дорог

«Садра»

2019

УДК [94+32](65)
ББК 63.3(6Алж) + 66.2(6Алж)

Видясова М. Ф.

Алжир у трёх дорог / М. Ф. Видясова — «Садра»,
2019 — (Исламский и доисламский мир: история и политика)

ISBN 978-5-907041-29-5

В книге дан краткий обзор истории древнего и средневекового Алжира, его завоевания Османской империей, затем – Францией. Подробно освещены разные этапы существования страны как независимого государства. Но главное внимание уделено гражданской войне, развернувшейся там в 1992–1999 гг., и причинам изначально негативного отношения лидеров Алжира к «арабской весне». Публикация рассчитана на студентов-политологов, историков и особенно – востоковедов, а также на широкую читательскую аудиторию, интересующуюся событиями в Северной Африке.

УДК [94+32](65)

ББК 63.3(6Алж) + 66.2(6Алж)

ISBN 978-5-907041-29-5

© Видясова М. Ф., 2019

© Садра, 2019

Содержание

Введение	6
Глава 1	11
Глава 2	27
Глава 3	36
3.1. «Североафриканская звезда»	37
3.2. Празднование столетия «Французского Алжира»	40
3.3. Алжир под тенью фашизма: 1933–1939 годы	42
Глава 4	44
4.1. Алжир под властью Виши	45
4.2. Высадка союзников в Северной Африке	46
4.3. Конференция союзников в Касабланке	49
4.4. Французский комитет национального освобождения в Алжире	51
4.5. Восстание в Кабилии 8 мая 1945 года	55
4.6. «Органический статут» Алжира	57
Глава 5	58
5.1. Прелюдия и первая фаза войны	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Мария Фёдоровна Видясова,
Владимир Викторович Орлов**
Алжир у трёх дорог

© Фонд Ибн Сины, 2019

© ООО «Садра», 2019

© ИСАА МГУ, 2019

© М.Ф. Видясова, В.В. Орлов, 2019

Введение

Алжир (после обретения независимости Алжирская Народная Демократическая Республика, АНДР) занимает на севере Африки площадь в 2381,7 тыс. кв. км. Население, по данным на 2016 г., 40,6 млн человек. Основные этнические группы: арабы и берберы. Большинство – мусульмане-сунниты, есть несколько тысяч христиан среди берберов.

По своим природным условиям Магриб принадлежит к двум контрастным геоботаническим и климатическим зонам. В то время как его северная часть имеет типичные черты средиземноморского природного комплекса, на юге наблюдается переход к ярко выраженным пустынным ландшафтам, которые простираются как в сторону долины Нила, так и в меридиональном направлении, вглубь Африки.

Ядром географического региона является Атласская природная область, которая представляет собой горную систему альпийского возраста с отдельными вкраплениями более старых герцинских массивов, таких как Кабилия. Следы древнего оледенения там несет хребет Джурджура (2038 м), который возвышается юго-восточнее города Алжир¹.

На побережье Алжира климат имеет признаки, характерные для средиземноморских полусухих субтропиков: жестколистная флора, дожди выпадают в зимнее время, которое и является основным сезоном земледельческих работ.

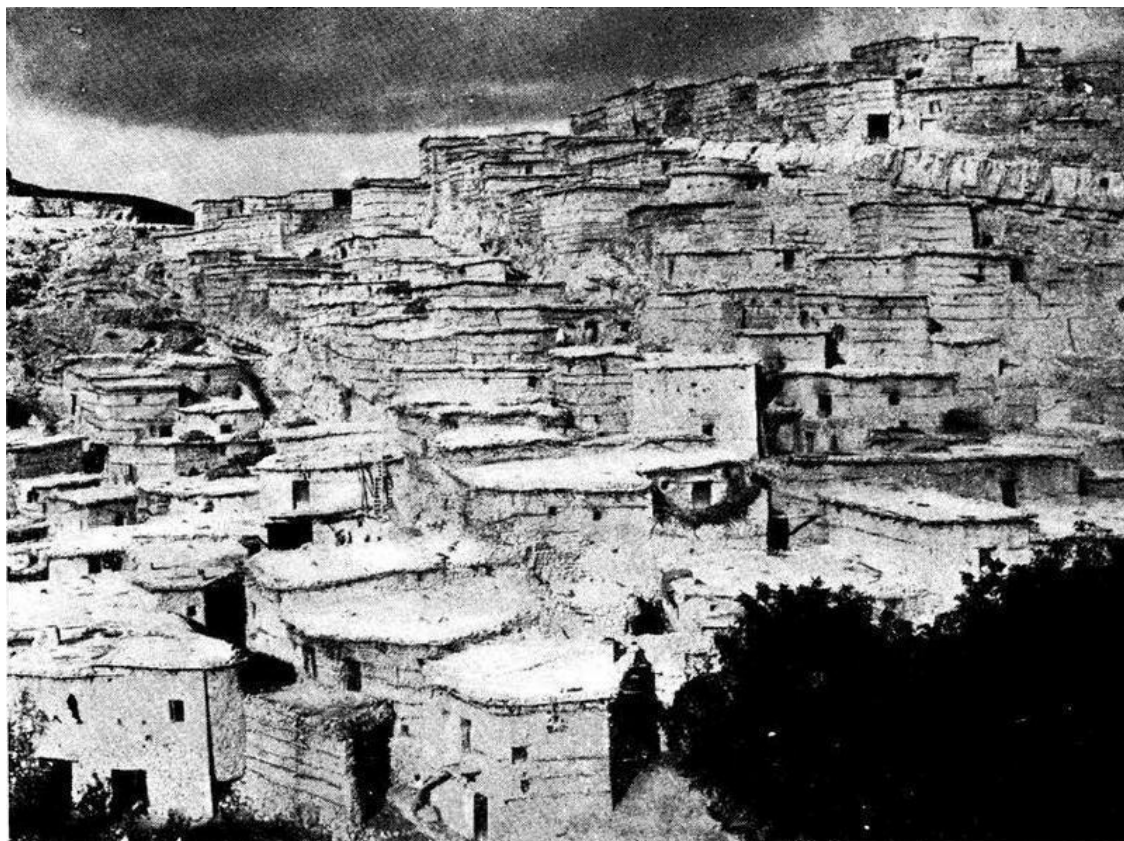
Мощный массив Атласских гор, разбитый сбросами на блоки, весьма разнообразен по рельефу: альпийские пики, столовые равнины, куэстовые гряды и т. д. В центральной и восточной областях Магриба горные хребты вытянуты почти параллельно друг другу. Это так называемые Береговой Атлас и Сахарский Атлас. Однообразный, сглаженный рельеф Сахары нарушается лишь в той ее части, где расположено куполообразное поднятие Ахаггар (крайний юг Алжира), имеющее концентрическое строение и прозванное «нагорьем духов». Так оно было названо благодаря странным фигурам, похожим то на человека, то на зверя, возникшим из-за выветривания остаточных горных пород.

Оазисы здесь – большая редкость. Крупнейший из них – Мзаб – создан в X веке путем строительства системы плотин на возвышенности, образующей своего рода мост между хребтом Сахарского Атласа и нагорьем Ахаггар.

¹ Грацианский А.Н. Природа Средиземноморья. М.: Мысль. 1971, с. 389.

Ворота в город Тимиун, построены в стиле суданской глиняной архитектуры. Источник: Algerische Sahara. Leipzig 1977

Один из поселков Ореса. Источник: *Jean Despois*. *L'Afrique du Nord*. Paris: PUF, 1958

Кабилия, гора Джурджур. Источник: *Jean Despois*. *L'Afrique du Nord*. Paris: PUF, 1958

Константина – город над ущельем (современный вид) <http://ic2.pbase.com/g6/63/682763/2/74630307.Ff3SgPV1.jpg>

Один из пяти городов оазиса Мзаб <https://maison-monde.com/wp-content/uploads/2016/11/Beni-Isguen-1.jpg>; <https://maison-monde.com/ville-fortiflee-de-beni-iguen-algerie/>

* * *

Политическим и социально-экономическим аспектам истории Алжира посвящены многочисленные труды Р.Г. Ланды, М.А. Сапроновой, Б.В. Долгова, В.И. Максименко, исследования экономистов В.А. Мельянцева, Ю.В. Потемкина. Естественно, что мы на них опирались, как и на многочисленные публикации зарубежных авторов: алжирских, американских, канадских и западноевропейских. В связи с этим следует особо упомянуть труды алжирца Мухаммеда Харби, давно эмигрировавшего и работающего во Франции, книги Шарля-Андре Жюльена, публикации Саада Амрани и Бахджата Корани (Канада). Общие выводы об истоках исламизма содержатся в трудах Франсуа Бюрга и Жиля Кепеля, американской иранистки Никки Кедди. Список этой литературы с каждым годом растёт и растёт по мере открытия ранее засекреченных французских архивов или появления новых мемуаров, относящихся к алжирской войне 1954–1962 гг.

Глава 1

Страницы истории: от древности до нового времени

Алжир состоит из трех историко-географических областей: Нумидии со столицей в Цирте (ныне Константина), Мавретании Цезарейской со столицей в Цезарее (ныне город Шершель) и Сахары, которая была завоевана и присоединена к Алжиру в XIX веке французами. Но часть ее, прилегающая к Нумидии и называвшаяся Гетулией, была подвластна нумидийским правителям.

Нумидийская конница служила ударной силой знаменитых карфагенских полководцев Гамилькара, Гасдрубала и Ганнибала.

Агеллид (вождь или царь) Нумидии Масинисса (приблизительно 240–149 гг. до н. э.), воспитанный в Карфагене², был участником Второй и Третьей Пунических войн, причем то и дело переходил с одной стороны на другую. В конечном итоге примкнул к римлянам и получил в награду земли по реке Награда (ныне тунисская долина реки Меджерды). Его внук Югурта (160–104 гг. до н. э.) поднял восстание против Рима, где и был казнен. Его обширные земли достались римлянам. «К началу войны с Югуртой...», – писал Гай Саллюстий Крисп, – значительная часть Гетулии и Нумидия до реки Мулухи была под властью Югурты»³.

Тем временем Мавретания Цезарейская поэтапно присоединялась к Римской империи на правах вассальной провинции. Император Калигула покончил с этим положением вещей: умертвил в Риме последнего местного царька (40 г. н. э.) и присоединил Мавретанию Цезарейскую к Мавретании Тингитанской (по названию города Тингис – современного Танжера). Однако позже обе провинции были разделены, а граница между ними пролегла по реке Мулуха (ныне алжирская река Мулуя).

Состояние Северной Африки эпохи Поздней Римской империи нашло подробное описание в трудах «отца католической церкви» св. Августина (354–430), сына небогатого гражданина нумидийского города Тагасты, который стал епископом в Гиппоне-Регии (современная Аннаба). Он описывает заметное социальное расслоение горожан в условиях наступления на урбанизированные области кочевников-берберов, которое шло волнами и усилилось с 60-х годов IV века.

В IV веке территория нынешнего Алжира стала ареной движений циркумцеллионов («бродяг», или «кружащих вокруг клетей», т. е. восставших рабов и колонов) и адептов донатизма. Это – религиозное учение, названное по имени вероучителя Доната, выходца из нумидийского города Казы Нигры, избранного епископом на Римском соборе 313 г., созванном с разрешения императора Константина. Там Донат признался, что уже вторично крестит «падших»⁴. Последние – христиане, изменившие своей вере во время гонений императора Диоклетиана (284–305).

Донатистов, или приверженцев так называемой бедной церкви, отличало стремление к добровольному мученичеству. Когда от них требовали выдачи священных книг, то «многие нарочно заявляли, что книги у них имеются, но они не выдадут»⁵. Впоследствии «умерен-

² Здесь имеется в виду город, основанный финикийцами, приплывшими из Тира. В дальнейшем он перешел к римлянам, потом к вандалам и, наконец, к византийцам. При средневековых арабах он захирел и представлял собой группу разрозненных поселений. Ныне это – престижный северный пригород тунисской столицы – место резиденции президента страны, Карфагенского дворца.

³ *Саллюстий Крисп. Война с Югуртой / Историки Рима. М.: Художественная литература. 1969, с. 82.*

⁴ *Дилigenский Г.Г. Северная Африка в IV–V веках. М.: Издательство Академии наук СССР. 1961, с. 163–164.*

⁵ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное издание. М.: Концерн «Возрождение». 1992, с. 763.

ные» христиане не могли ужиться с донатистами, коих сочли раскольниками, они пожаловались на них будущему императору Константу (323–350), который еще при жизни отца стал его соправителем-цезарем, контролировавшим африканские владения, и тот принял против донатистов «крутые меры», закрыл их церкви. Но с воцарением Юлиана (361–363) они вновь были открыты⁶. Хотя в целом политика этого императора, прозванного Отступником, была нацелена на восстановление язычества.

Борьба клириков между собой продолжалась и после вторжения в Северную Африку в 429 г. вандалов (приверженцев арианской ереси)⁷. «Вандальский век», который на самом деле длился дольше века, сопровождался наступлением на территорию Алжира кочевых берберов, но глубоких следов здесь он не оставил, чего нельзя сказать о взаимосвязанных движениях циркумцелионов и донатистов. Они, по мнению некоторых историков, дожили до арабского завоевания.

Вандало-Аланское королевство, созданное союзом германских племен и аланов (предков осетин), который вторгся в Северную Африку через Гибралтарский пролив, двинулся от него на восток, прошел по прибрежным римским дорогам от Тингиса до Карфагена (взят в декабре 435 г.), где была учреждена столица королевства во главе с Гейзерихом⁸. В ее окрестностях и в целом на территории современного Туниса, основная часть которого (без сахарских просторов) входила в римскую провинцию Проконсульская Африка, пришельцы ничего не создали, но и не разрушили.

Территория современного Алжира осталась у них в тылу. Разрушение городов наблюдалось в основном на дальних окраинах королевства, например, в Триполитании, но происходило это от рук кочевников-берберов.

Верхушка Вандало-Аланского королевства имитировала римский образ жизни: от официального языка до одежды и развлечений, но художники и ремесленники следов своей оригинальной деятельности почти не оставили.

Овладев Карфагеном, Гейзерих взял и флот, который использовался для перевозки в Рим африканского зерна, и превратил его в военный флот, грабивший Сицилию и южные провинции Италии.

Что касается знаменитого разграбления Рима, то король его осуществил в 455 г., воспользовавшись смутой в Вечном городе (ссорой в императорском семействе и убийством Валентиниана III). Обеспокоенный смутой, римский папа пригласил Гейзериха в столицу Западной Римской империи под обещание не наносить ей ущерба, чего тот не исполнил и две недели не только грабил, но и разрушал беззащитный город, убивая его жителей или уводя в плен для выкупа (отсюда и термин «вандализм», возникший в XVIII веке).

Король, обладавший абсолютной властью, был крупнейшим в королевстве земельным собственником. Те угодья, на которые он не претендовал, раздавались вандальской знати, арианской церкви или простым свободным подданным, получавшим мелкие parcelлы. Они, как правило, селились на северо-западе Проконсульской Африки.

В 534 г. византийское войско под началом флотоводца Велисария появилось под Карфагеном и наголову разбило армию вандалов⁹. Так была частично осуществлена мечта императора Юстиниана восстановить единство Римской империи, изгнав из нее варваров.

⁶ Там же, с. 764–765.

⁷ Течение в христианстве, отрицавшее единую сущность Троицы. Основано александрийским священником Арием. Признано ересью в 325 г. на Никейском соборе.

⁸ Первой столицей королевства служил Гиппон-Регий – путевая резиденция Гейзериха, который отвоевал город у римского военачальника в 431 г., после 14 месяцев осады. Около 432 г. на территорию, за которую шла борьба, вступила восточно-римская армия. Обе воюющие стороны опустошали земли, на которых оказались, но, по-видимому, избегали крупного сражения.

⁹ Последним их королем был Гелимер – правнук Гейзериха

Некоторые из них растворились среди берберов, другие были инкорпорированы в византийскую армию и участвовали в ее восточных походах. Границы возвращенных под длань Константинополя земель все больше беспокоили соседи: племена из Ореса и Триполитании. Против них приходилось выставлять гарнизоны и строить крепости, обозначившие новые рубежи, не сравнимые по протяженности с былой полосой римских лим I–II веков.

В первой половине VII века область византийского экзархата простиралась на западе до горы Ходна (т. е. до города Беджайя), далее в руках византийцев находились лишь отдельные порты. Во внутренних районах еще при вандалах контроль над многими территориями захватили предводители племенных союзов. Причем некоторые из них, судя по обнаруженным на северо-западе Алжира латинским эпитафиям, считали себя законными наследниками римской власти, нося такие титулы, как «царь мавров и римского народа» или «вождь и император»¹⁰.

Берберское население Магриба перенимало арабский язык по мере продвижения там носителей этого языка, т. е. в географическом направлении с востока на запад; и к XX веку говорящих на берберском языке остался только 1 % в Тунисе, в Алжире же их около 40 % (по неофициальным данным). Это главным образом население горных массивов Орес и Кабилия.

В XI веке Магриб захлестнула волна кочевых миграций из Аравии; волна, которую иногда называют «вторым арабским завоеванием» Магриба. Как следствие, здесь наблюдалось распространение бедуинских диалектов, не говоря уже об исчезновении многих городов и упадке агрикультуры.

В бытность свою на территории Алжира Ибн Халдун (1332–1405) стал очевидцем этого медленного, но неумолимого движения бедуинов племенной конфедерации *бану хильяль* с востока на запад и сравнил его с «тенью, которую отбрасывают на закате солнца вершины гор»¹¹.

Сложилась легенда, согласно которой бедуинов наслал на Ифрикию¹² египетский халиф из шиитской династии Фатимидов аль-Мустансир (1036–1094), разгневанный решением ее правителей Зиридов¹³ отречься от шиизма и отложиться от Каира. И сделал он это якобы по совету хитрого визиря аль-Йазури (на самом деле человек с таким именем занимал должность главного судьи египетской столицы), решившего таким образом заодно отделаться от беспокойных кочевников, переселившихся в Верхний Египет после восстания Карматов¹⁴ на Аравийском полуострове. По другой версии, хитрец сам вызвал аравитян издалека, чтобы наказать с их помощью Зиридов.

Уроженец Феса Хасан аль-Ваззан¹⁵ (XVI век), придерживающийся последней версии, пишет, мол, восточные халифы «всегда запрещали арабам переходить Нил с их «семьями и шатрами», и этот обычай сломал только аль-Мустансир¹⁶.

Доверяя источникам разного времени, многие европейские ученые создали представление о «хильялийской катастрофе», которая полностью изменила лицо (природный ландшафт

¹⁰ Дилигенский Г.Г. Северная Африка в IV–V веках. М.: Издательство Академии наук СССР. 1961, с. 280.

¹¹ Отождествляя понятия «город» и «цивилизация», он писал: «захватили город арабы-хильялийцы и разрушили его». (Ибн Халдун аль-Магриби, *Абд ар-Рахман*. Китаб аль-ибар ва диван аль-мубтада ва-ль-хабар фи айам аль-араб ва-ль-фарс ва-ль-барбар ва мин асирихим мин зави ас-султан аль-акбар (Книга поучительных примеров из того, что рассказывают о днях арабов, персов, берберов и их современников, обладавших великой властью)). Бейрут: Дар аль-Кутуб аль-ильмия. 1983. Т. 2, с. 659.

¹² Средневековое название Туниса.

¹³ Первоначально (с 972 г.) эти вожди из берберского этноса санхаджа правили как наместники Фатимидов. При них культура Ифрикии, в том числе поэзия, достигла высокого уровня.

¹⁴ Религиозно-политическая секта, относившаяся к движению исмаилитов. Возникла в конце IX века на Бахрейне. Ее основатель по прозвищу Кармат бесследно исчез.

¹⁵ Он более известен как Лев Африканский, ибо был захвачен в плен сицилийскими пиратами, после чего крещен под именем Лев в честь тогдашнего папы римского. Свой знаменитый труд «Описание Африки» написал по-итальянски. В русском переводе назван «Африка – третья часть света».

¹⁶ *Лев Африканский*. Африка – третья часть света. Л.: Наука. 1983, с. 23.

и социальное устройство) средневекового Магриба, приписывая это умыслу одного человека. Однако, на наш взгляд, это перемещение кочевых племен было вызвано, во-первых, колебаниями мирового климата и, во-вторых, внутренними катаклизмами в Египте, который в середине XI века испытал «великие бедствия»: страшный голод из-за низких разливов Нила, доводивший население до каннибализма¹⁷.

Вероятнее всего, пришлые бедуины сами покинули голодающую страну, двинувшись на запад в поисках новых пастбищ. Первой жертвой нападения военно-кочевого союза *бану хиляль*, в авангарде которого находилось племя *рьях*, стали Ифрикия и Триполитания. Туда же в XIII веке устремились осевшие было в Киренаике племена крупного союза *бану сулейм*, из которого выделился союз *маакиль*. Огибая с юга массив Атласских гор, *маакиль* вышли в XIV веке к марокканскому оазису Тафилалет.

Насколько позволяют судить данные нарративных источников, топонимики и этнографического материала, численность кочевого населения Магриба росла в такой последовательности: определенные группы берберов – или земледельцы, жившие соседской общиной, или полукочевники, разводившие лошадей и крупный рогатый скот, – перейдя в качестве данников под покровительство того или иного бедуинского племени, со временем вливались в него на правах младшей ветви, усваивая язык «покровителей» и приняв соответствующее патронимическое название. Таким образом оформляется племенная организация сельского арабоязычного населения Магриба, основанная на условных кровнородственных связях и мифической генеалогии, возводящей многие племена (местами большинство) к хилялийскому корню. Иными словами, хотя «хилялийское нашествие» сопровождалось сражениями, которые точно датируются хрониками, в целом это был медленный, глубинный процесс изменения господствующих хозяйственно-культурных типов и самоидентификации населения.

В том же XI столетии начались миграции в направлении с запада на восток, в результате чего образовались одна за другой империи Альморавидов¹⁸ и Альмохадов¹⁹. Первая из них, зародившаяся в Сахаре, протянулась с юга на север: от места, где ныне расположен город Нуакшот, до подножия Пиренеев, причем ее восточная граница в Северной Африке пролегла на юг примерно у маленького тогда городка Алжир, а вторая, зародившаяся в горах Высокого Атласа, охватила весь Магриб, вместе с Андалусией («мусульманской Испанией») от Атлантического океана до египетских пределов.

¹⁷ В свою очередь, низкие разливы реки вызывались колебаниями солнечной активности (*Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в. М.: Наука. 1984, с. 139). Но есть и такое мнение, что «великие бедствия» Египту принесло ослабление центральной власти и, следовательно, нарушение исправной работы «государственной» оросительно-осушительной сети.

¹⁸ Эта династия называлась не по имени ее основателя, а по названию религиозной общины *аль-мурабитун*, т. е. «люди из крепости (*рибата*)». Позднее, с XIII века, получил развитие так называемый народный ислам, в котором, наряду с почитанием Корана и Сунны, был очень силен восходивший к доисламским временам культ местных святых и сил природы. Возникшие в Магрибе, как и во всем мире ислама, религиозные братства управлялись марабутами, которые могли иметь или не иметь свою крепость-обитель. Марабуты, в том числе странствующие дервиши, считались носителями ниспосланной на них божественной благодати (*барака*).

¹⁹ Эта династия также получила название от религиозной общины оседлых горцев Марокко *аль-муваххидун* (единобожники), ибо видела своих главных врагов в сторонниках антропоморфизма, склонных придавать разным эпитетам Аллаха (Милостивый, Милосердный и т. п.) значение как бы разных божеств. Альмохады – испанское искажение оригинального названия общины, вошедшее во все европейские языки.

Магриб эпохи Альморавидов и Альмохадов

Магриб в XVII–XVIII вв.

Дальнейшие междоусобицы привели к распаду государств-империй Магриба, к преобладанию мелких «удельных княжеств», древние столицы которых пришли в упадок в затяжной период испано-османских войн за обладание Средиземным морем. Так, в Среднем Магрибе, территория которого приблизительно соответствовала основной части современного Алжира, каждая такая столица в XIV–XV веках насчитывала 80-100 тыс. жителей: Тлемсен, Константина, Бужи (ныне Беджайя)²⁰. Этот город был основан в XI веке на склоне горы, спускавшейся к прекрасной бухте, как столица эмирата Хаммадидов²¹. Знаменитый географ XII века аль-Идриси утверждал, что в этом кипящем деловой активностью городе проживало не менее 100 тыс. человек и что к нему тянулись караваны, а в гавани бросали якорь многочисленные корабли. «Бужи, – писал он, – это склад товаров. Жители богаты, умелы в разных искусствах и ремеслах больше, чем кто бы то ни было; и поэтому торговля здесь процветает. Купцы этого города связаны с торговцами Сахары, Запада и Востока»²². Тот же автор сообщил, что горожане занимались в окрестных горах Кабилии разработкой двух месторождений железной руды, добывали медь и свинец. В XV веке Бужи еще имел сравнительно большой флот, неоднократно приходивший на помощь эмирату Гранада, и насчитывал 24 тыс. домашних очагов. Но за время почти 50-летней испанской оккупации город сильно пострадал.

Когда испанские солдаты высадились в гавани Бужи и захватили город (1509 г.), их предводитель Пьеро де Наварра сначала договорился с местным эмиром об установлении своего рода протектората над городом при сохранении за эмиром его прежнего положения. Однако вскоре король Фердинанд Арагонский (1452–1516) потребовал незамедлительной и полной

²⁰ Это его исходное название, к которому вернулись. От другого названия, «европейского», происходит французское слово bougie (свеча), так как город экспортировал воск.

²¹ Существовал в 1014–1052 гг., его правители придерживались суннизма.

²² Цит. по: Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис-Алжир-Марокко. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1961, с. 383.

эвакуации жителей города ввиду старого плана католиков-миссионеров заселить его испанцами. Но выполнить этот план не удалось, ибо отправиться на постоянное жительство в неведомый край соглашались лишь авантюристы и освобожденные под это дело преступники. Тогда было принято решение снова призвать в город мусульман, чтобы через них как-то поддерживать снабжение испанского гарнизона. В 1511 г. около 8 тыс. человек, в основном берберы из окрестных горских селений, были размещены в изолированном от порта квартале Бужи. Впрочем, и эти новопоселенцы продержались в городе недолго, так как Карл V²³ стал проводить политику жестоких религиозных преследований и потребовал, чтобы «мавры» в занятых испанцами североафриканских городах не только сожгли свои священные книги, но и перестали говорить на родном языке. Наконец, этот знаменитый венценосец совершил в 1535 г. неудачную экспедицию в город Алжир. После поражения, довершенного штормом, унесшим почти все остатки испанского флота, Карл V искал спасения в Бужи и, чтобы выплатить жалование своим солдатам, конфисковал имущество оставшихся там евреев и мусульманских торговцев. Как результат, занятый в 1555 г. алжирским бейлербеем Бужи оказался полуразрушенным и почти безлюдным. Лишь часть его прежней территории стала медленно заселяться выходцами из соседних селений. В XVIII веке Бужи имел всего 20 фелюг, на которых в летнее время года осуществлялись каботажные перевозки воска, зерна и кож, а также строительного леса на трассе между городами Оран, Алжир и Тунис. (В 1830 г. французы обнаружили в Бужи всего 200 жилых домов). К началу XIX века подобная судьба постигла многие приморские города Алжира. Например, Шершель, Тенес и Бон (ныне Аннаба) едва насчитывали 1–3 тыс. жителей²⁴.

Зато шел бурный рост города Алжир после того, как Хайрадин Барбаросса²⁵ сделал его своей столицей. Захватив его, он по собственной инициативе признал себя вассалом османского султана Сулеймана Великолепного (1520 г.), который вскоре назначил его капудан-пашой (адмиралом) всего османского флота.

Собственно, захватил-то первым город-государство Алжир старший брат будущего адмирала Арудж Барбаросса, которого призвал на помощь городской совет Алжира, страдавшего от того, что испанский флот блокировал его гавань и мешал торговле шерстью, которая составляла здесь главную статью экспорта. Выполнив просьбу, Арудж немедленно устранил главу городского совета, задушив его в бане, и провозгласил себя местным султаном (1516 г.). Пользуясь тем, что едва возложивший на себя корону Карл V был отвлечен бюргерскими восстаниями в Испании, самозванный султан захватывал в Алжире город за городом, однако встретился с сопротивлением испанского пресидио²⁶, г. Оран, находившегося под управлением губернатора маркиза де Комари.

После гибели старшего брата Хайрадин Барбаросса проделал его путь и воцарился в городе Алжир, передавая затем бразды правления своим заместителям или полноправным пре-

²³ Он был известен как испанский король Карлос, с 1519 г. стал главой империи Габсбургов под именем Карла V.

²⁴ Lacoste Y., Nouschi A., Prenant A. L'Algérie. Passé et présent. Paris: Éditions Sociales. 1960, p. 219.

²⁵ Хайрадин-паша (1475–1546) по прозвищу Барбаросса, т. е. Рыжебородый, – пират, отуреченный грек, каковым, видимо, был и его отец (мать – православная гречанка, вдова священника). Он родился на острове Лесбос, в своих вольных плаваниях вместе со старшим братом Аруджем Барбароссой сначала обосновался на тунисском (ныне) острове Джерба, который в те времена представлял собой «неподвижный пиратский корабль» и переходил из рук в руки. С этого острова отправился к городу Алжир, которому угрожала испанская эскадра. Захватив его, он по собственной инициативе признал себя вассалом османского султана Сулеймана Великолепного, который вскоре назначил его капудан-пашой (адмиралом) всего османского флота. Умер в своем дворце над Босфором в Стамбуле.

²⁶ Пресидио – пограничная крепость, застава. Испанский король Филипп II пытался развить наступление в Алжире, но в 1581 г. был вынужден заключить перемирие с Портой, согласно которому испанцы сохраняли за собой лишь два пресидио: Оран и Мерс-эль-Кебир.

емникам. Таковым был итальянский ренегат Ульдж Али (1508–1587), возглавлявший, как и его предшественник, весь османский флот²⁷.

До 1587 г. Алжир имел статус санджака, затем, после административной реформы, проведенной в Османской империи, получил статус пашалыка. Из Стамбула сюда направлялся паша, которому и доверялась власть в провинции. Такая должность была в Алжире упразднена в 1671 г., ибо власть захватил янычарский оджак²⁸ в альянсе с таифой раисов²⁹. С этого момента стабилизировалась власть в форме выборной монархии: янычары избирали пожизненного правителя – «дея», который являлся главой государственного совета (дивана). Некоторые историки ставили на одну доску алжирскую выборную монархию и польскую. Но это в корне неверно. Ведь в Польше короля избирала шляхта, представленная в сейме (парламенте). Янычары же, как правило, изначально были людьми безродными, набирались из стамбульской черни³⁰; по мере ухода из жизни первого поколения алжирских янычар, присланных Портой, оджак пополнялся разными людьми, часто – итальянскими ренегатами. При этом редкий дей умирал естественной смертью, так как всегда находился соперник, желавший его убить, чтобы занять первое место в диване. За период с 1671 г. по 1830 г. сменилось 28 деев, 14 из которых пришли к власти путем дворцовых переворотов.

Имя стамбульского владыки упоминалось в пятничных молитвах, деи называли себя в официальных посланиях «рабами и слугами» османского султана-падишаха. Османская империя оказывала Алжиру военную помощь: присылала оружие, порох, корабельную оснастку, а иногда и готовые суда. В свою очередь алжирский флот принимал участие в османских морских походах и сражениях.

В руках историков есть уникальный документ – перепись алжирских янычар, составленная в 1829 г., которая показывает, что их было немного, 3661 человек. Они получали казенное жалованье и размещались мелкими гарнизонами (*нуба*) в населенных пунктах, где выполняли полицейские функции. На гарнизонную службу попадали также их сыновья от браков с местными женщинами – *кулугли*. Они составляли особую касту: селились в отдельных кварталах, говорили по-турецки и посещали другие мечети, нежели основная масса алжирцев³¹. Те придерживались маликитского мазхаба (направления в исламе), турки же – ханифитского.

Пятьсот *кулугли* жили в поселке, обнесённом высокими стенами, под Тлемсеном, откуда они в 1847 г. переехали в Оран. Каждый из *кулугли* мечтал пробиться «наверх», но такие случаи были единичными (это удалось последнему бею Константины). В мирное время они занимались ремеслами, садоводством и огородничеством, подрабатывали цирюльниками или подавальщиками в кофейнях. Восставшие в XVII веке *кулугли* вообще превратились в селян: их разместили неподалеку от столицы в долине Митиджа, на берегу небольшой реки, где они выращивали оливковые деревья и образовали со своими потомками племя (!) *аль-шашена*, были освобождены от налогов и могли, получив жалованье, выставить три тысячи воинов. Существовали и другие «искусственные племена»: например племя *змул*, размещенное на

²⁷ Он родился в семье рыбака, в маленькой деревушке Калабрии, мальчиком был пастухом; в 1520 г. его пленили корсары Хайрадин-паша, и следующие 14 лет он провел гребцом на галере. Однако судьба теперь ему благоволила: из гребца он поднялся в солдаты, потом в помощники капитана, затем в командиры бригаантины и т.д. Управляя Алжиром (1568–1571), совершал опустошительные рейды на Сицилию, в Калабрию и Кампанию. Участвовал в битве при Лепанто (1571 г.), в завоевательной экспедиции в Тунис (1574 г.). Был осыпан милостями султана, получил звание капудан-паша; умер в своем дворце на Черном море близ Стамбула.

²⁸ *Оджак* – корпорация, община, евшая из общего котла. Отсюда и русское слово «очаг».

²⁹ *Раис* в современном арабском языке обычно означает «президент» или «председатель», например парламента или партии. В данном случае смысл этого слова: «владелец и/или капитан» пиратского судна, а *таифа* – «организация», «корпорация», «сообщество».

³⁰ Янычары также набирались на Балканах, в Восточной Анатолии, на островах Эгейского моря и в др. местах, далеко не всегда – из самых низов, но обычно их социальное происхождение было неизвестно, даже – для прямых потомков, которые знали в XX веке только, откуда явился их пращур. И это в лучшем случае.

³¹ *Emerit M. Les tribus privilégiées en Algérie dans la première moitié du XIX siècle // «Annales» (1966. № 1), p. 45.*

стратегической дороге между городами Оран и Алжир³². Оно входило в категорию служилых, «государственных» племен (*кабаиль махзен*), хотя жалование такие племена получали нерегулярно.

Сколько было жителей в городе Алжир, сказать трудно, ибо в нем постоянно находились 25–30 тыс. пленников-христиан (обычно их труд использовался в литейных мастерских и на судовых верфях), число этих рабов, правда, в XVIII веке несколько уменьшилось. Наиболее подробные описания столицы Алжира относятся к XVII веку и принадлежат перу европейцев. Так, Ж.-Б. Грамэй, посетивший г. Алжир в начале того века, описывал его как тесное скопление густонаселенных домов: по его подсчетам, там было 13 тыс. домов, в каждом из которых жило порой до 30 семейств. Он отметил, что внутри городской стены насчитывалось более ста мечетей и почти такое же число мест поклонения и священных могил, 80 общественных бань и почти столько же медресе³³. Много там было торговцев и ремесленников, приехавших из Испании, самыми распространенными видами ремесла являлись ткачество, портняжное и кузнечное дело. Грамэй насчитал 80 кузнецов, 3 тыс. ткачей и 1,2 тыс. портных, а в нижней части города – 120 торговцев-молочников, 300 мясников, 400 хлебопеков³⁴. Интересно, что в топонимике города почти не сохранилось следов расселения его жителей по профессиям, типичных для топонимике многих европейских и азиатских городов³⁵. Это означает, думают ученые, что отсутствовала и цеховая организация. Однако она существовала среди сезонных рабочих – выходцев из Кабилии, или оазиса Мзаб, или из оазиса Лагуат и проч. Например, известны профессиональные корпорации кабилы (чернорабочие), *бискри* (носильщики), *лагуата* (носильщики на рынке оливкового масла), *мзаби* (мясники, банщики, торговцы). Всех этих сезонных мигрантов, которым надлежало вступить в соответствующую корпорацию и соблюдать ее устав, называли в городе Алжир *баррания* («пришельцы», «посторонние»). Грамэю показалось, что таковых было 4–5 тыс. человек³⁶.

Верхушку городского общества составляли шерифы, т. е. настоящие или (чаще) мнимые потомки Пророка и алькальды – высшие чиновники, как называли их (на испанский манер) европейские наблюдатели. К этой категории, насчитывавшей не более 150 человек, приближались по социальному положению около 300 семей раисов – владельцев и/или капитанов корсарских судов, а также часть ремесленников и купцов.

Отметим, что к моменту османского завоевания на территории Алжира сложились два относительно крупных эмирата: со столицами в Тлемсене и Константине. Они были превращены в бейлики Высокой Порты. В XVIII веке были объединены под властью алжирских деев, которые добились широкой автономии по отношению к Стамбулу³⁷. Образовался и третий, южный бейлик Титтери со столицей в городе Медеа³⁸, который контролировал узкую полосу пустыни, взимая дань с кочевников с помощью других кочевников, освобожденных от налогообложения. Существовала и особая провинция Дар ас-Султан (домен властителя), которая занимала частично осушенную болотистую низину Митиджа вокруг столицы, на этих землях складывалось некое подобие европейских феодальных отношений.

³² Emerit M. Op. cit, p. 46–47, 52.

³³ Цит. по: Baude J.J. (*le baron*). L'Algérie. Bruxelles: Athenaeum. 1841, p. 96.

³⁴ Цит. по: Baude J.J. (*le baron*). L'Algérie... p. 98.

³⁵ Например, в центре Москвы: Кузнецкий мост, Поварская улица, Столешников переулок.

³⁶ Цит. по: Baude J.J. (*le baron*). L'Algérie. P. 107.

³⁷ Дань Порте носила скорее символический характер и высылалась от случая к случаю. Она называлась *хадийа* (араб. «дар, подношение»). Например, в 1808 г. из Алжира в Стамбул было отправлено: около 500 нарядных покрывал, 100 коралловых четок, 200 кисетов, 75 шелковых поясов, 15 золотых колец, львиных шкур, 10 попугаев, 3 лошади с шитыми золотом седлами, несколько негров и одно парадное одеяние. (Подробнее об отношениях Алжира и Туниса с Портой см.: Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.: Наука. 1987, с. 195–216).

³⁸ Расположен примерно в 80 км на юго-запад от города Алжир, на высоте 880 м над уровнем моря.

Осуществленное Францией в 1830 г. завоевание Алжира было предпринято под предлогом «удара хлопущкой для мух», а точнее, опахалом, которым дей Хусейн³⁹ ударил 29 апреля 1827 г. французского консула Деваля, явившегося во дворец с претензиями насчет задолженности Алжира французской казне, тогда как дей считал, что это она ему задолжала⁴⁰.

Дей Хусейн замахнулся опахалом на консула Деваля (художественная картина, отразившая не вполне достоверный факт). Источник: *Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine*. Paris: PUF. 1964.

Оскорбление, нанесенное консулу, было сочтено королем Карлом X (1824–1830) и правительством Франции как оскорбление ей самой и повлекло за собой морскую экспедицию: 100 военных судов и около 500 транспортных, три пехотных дивизии, три стрелковых эскадрона, саперы и артиллерия (всего 37 тыс. человек). Вскоре дей, у которого было под ружьем 50 тыс. человек, но разношерстных⁴¹, понял, что держать оборону, которую он поручил своему казначею (тот не придумал ничего лучше, как поджечь пороховой погреб в Касбе – верхней части г. Алжир), невозможно, и капитулировал.

³⁹ Он был родом из Смирны, служил офицером в войсках султана и бросил службу, чтобы искать счастья в Алжире, занял «трон» дея в 1818 г., потрудившись до этого писарем отряда кавалерии (*Валь М. / История XIX века*. Перевод с французского. Том 4. М.: ОГИЗ. 1938, с. 291).

⁴⁰ Это – запутанное дело, в котором были замешаны ливорнские евреи Яков Бакри и Бузнаш (оба – владельцы семейных кредитных домов), а также французский министр иностранных дел (в июле – сентябре 1815 г. премьер-министр) Талейран, который прикрывал аферистов, принявших на себя крупный задаток и подряд на поставку хлеба из Алжира во Францию, взятый его правительством во времена Директории. Царствующий дей Хусейн требовал уплаты ему 7 млн франков, о чем писал настоятельные письма правительству Полиньяка (*Валь М. / История XIX века*. с. 291–292; *Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine*. Paris: PUF. 1964, p. 21–26).

⁴¹ Это «турецкая милиция» (7 тыс. воинов), а также ополчения, присланные беями Орана и Константины или шейхами кабийских племен (*Julien Ch.-A. Histoire... p. 52*).

10 июля 1830 г. он отплыл на французском фрегате со своими министрами, слугами, личной казной и гаремом в Малую Азию. Еще четыре французских корабля отвезли туда же 2,5 тыс. янычар⁴².

Битва за город Алжир 27 июня 1830 года (художественная картина). Легенда гласит, что в битве приняла участие француженка-торговка, бросившая наземь корзинку с товаром, чтобы взяться за ружье. Источник: *Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine*. Paris: PUF. 1964.

Завоевание развивалось постепенно. Начатое с высадки в гавани Сиди-Ферруш⁴³, сперва оно затронуло лишь приморскую полосу страны, затем продвигалось все глубже и глубже.

Серьезным препятствием на пути французов стало созданное в тылу у них государство эмира Абд аль-Кадир (1808–1883), которое имело черты, присущие и религиозному братству, и племенному союзу. Действительно, его глава был наследственным наставником суфийского братства Кадирийя, знатоком шариата, собирателем редких манускриптов и племенным вождем, который организационно модернизировал племенное ополчение по европейскому образцу.

⁴² Валь М. / История XIX века. с. 292–294.

⁴³ Расположена в 27 км на запад от г. Алжир.

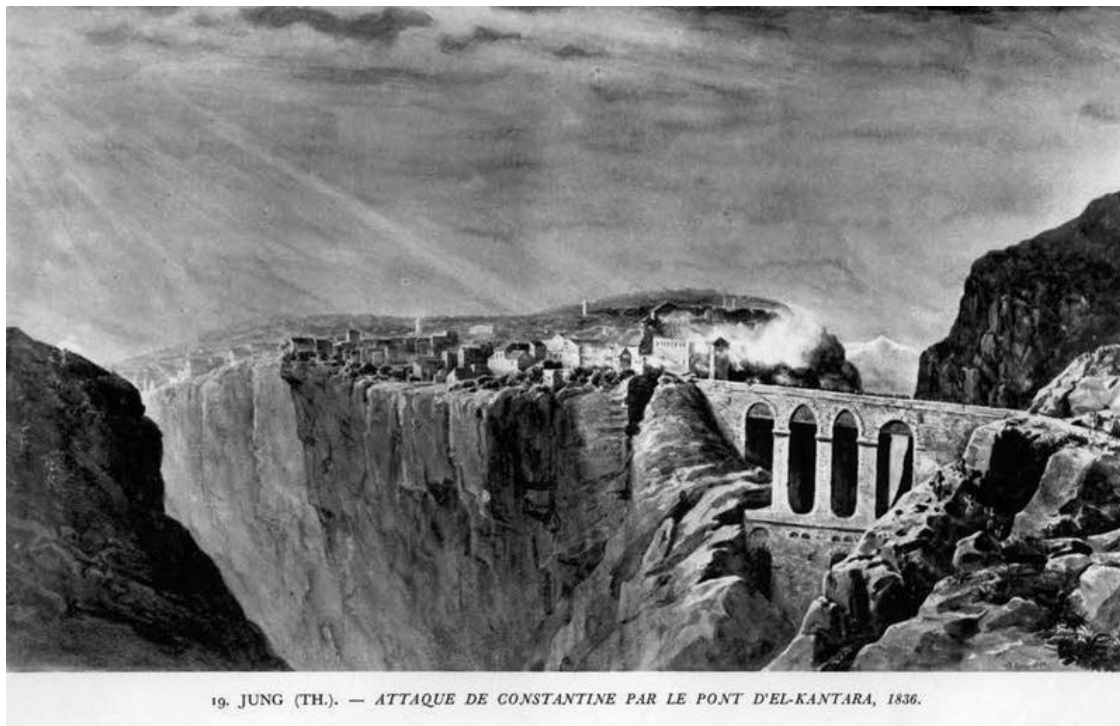

Живописный портрет эмира Абд аль-Кадира <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/0d/EmirAbdelKader.jpg> <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:EmirAbdelKader.jpg>

Он с 1832 г. вел успешные бои, французы несколько раз заключали с ним перемирие⁴⁴ и даже продали ему ружья и порох. Однако у него был сильный внутренний конкурент – правитель Константина бей Ахмед, который в свою очередь восстал против французов, желая создать собственное государство. В результате штурма 1837 г. (предыдущий штурм 1836 г. потерпел фиаско) Константина была взята французами. Бей бежал в Орес, где продолжал сопротивление до 1848 г.

Что касается Абд аль-Кадира, то он оказался под напором армии генерала Бюжо. Между ними развернулась настоящая дуэль.

⁴⁴ Одно из них – соглашение у реки Тафна (20 мая 1837 г.), по которому признавалась власть Абд аль-Кадира над центральной и западной территориями Алжира, кроме нескольких приморских городов.

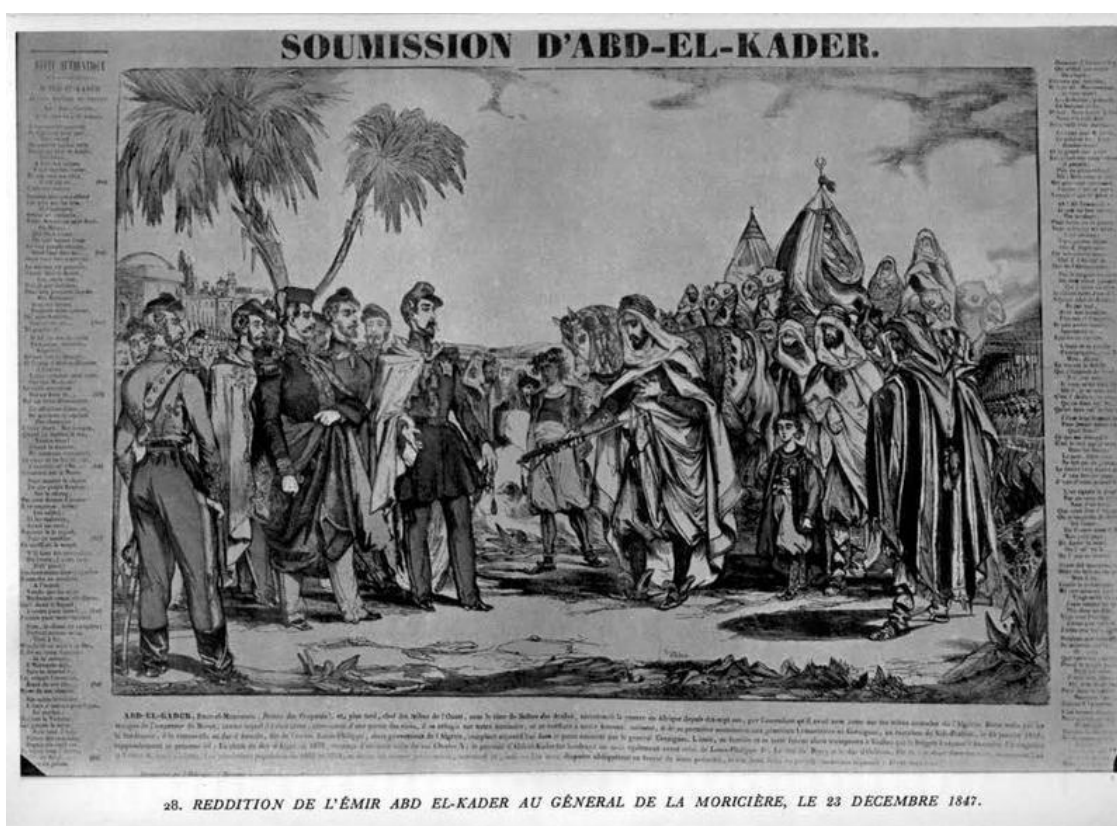

Мост, построенный в 1792 г. над рекой Руммель, по которому французы пытались ночью прорваться к Константине (1836 г.). Источник: Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine. Paris: PUF. 1964.

Живописный портрет генерала Бюжо. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/dc/Bugeaud%2C_Thomas_-_2.jpg [https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Bugeaud,_Thomas_-_2.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Bugeaud,_Thomas_-_2.jpg)

Генерал (позже маршал) Тома Робер Бюжо был назначен командующим экспедиционного французского корпуса 29 декабря 1840 г. и прибыл в Алжир 22 февраля 1841 г. Он упорно преследовал Абд аль-Кадир, чья штаб-квартира (*смала*)⁴⁵ была подвижной: появлялась в разных местах Алжира и, наконец, объявилась на востоке Марокко (1844 г.), от султана которого Бюжо напрасно требовал выдачи эмира. Тогда Бюжо вторгся на марокканскую территорию и в августе 1844 г. разбил султанские войска у реки Исли, получив титул герцога Ислийского. Тем временем на западе Алжира вспыхнуло народное восстание под руководством Бу-Мазы (1845 г.), вызванное земельным грабежом со стороны французов, и Абд аль-Кадир вернулся в родные края, чтобы возглавить ширившееся восстание. Оккупационная армия в Алжире была увеличена до 108 тыс. человек. Генералы Пелисье и Сент-Арно соревновались в жестокости карательных операций. Первый из них загнал тысячу арабов в горные пещеры и там удушил их дымом. Второй замуровал в пещерах 1,5 тыс. арабов, включая женщин и детей⁴⁶.

Абд аль-Кадир сдается в плен (художественная картина). Источник: *Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine*. Paris: PUF. 1964.

Абд аль-Кадир отступил в сахарские оазисы, но на сей раз марокканский султан Абд ар-Рахман не захотел поддержать повстанцев соседней страны, опасаясь за собственный трон. Пленный 23 декабря 1847 г., эмир был вывезен во Францию, откуда его спустя пять лет отпустили в Дамаск, где он имел большой пригородный замок и поселился в нем со свитой, получая французский пенсioen. Последним из его славных деяний стало то, что он открыл

⁴⁵ Эта штаб-квартира кочевала вместе с войском, насчитывавшим около 30 тыс. человек (*Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine*. Paris: PUF. 1964, p. 194).

⁴⁶ *Луцкий В.Б. / Новая история колониальных и зависимых стран*. М.: ОГИЗ. 1940, с. 212.

ворота своего замка для христиан-маронитов, которых преследовали башибузуки-друзы (июль 1860 г.), и спас от гибели 12 тыс. человек, располагая всего тремястами воинами-алжирцами.

Глава 2

Алжир «колониальной ночи»⁴⁷

Франции нужна колониальная политика. Любая часть ее колониальных владений, ничтожнейшие клочки их должны быть для нас священны... Речь идет не о завтрашнем дне, а о целом полувеке, о веке вперед; речь идет о самой будущности нашей родины.
Жюль Ферри, 1882 год

Согласно конституции Франции 1848 г., Алжир получил статус ее заморской территории, разделенной на три департамента во главе с префектами (Оран, Алжир и Константина), однако с общим генерал-губернатором, сидевшим в городе Алжир. Из Парижа его назначало министерство внутренних дел. Сахарские же районы (свыше 2 млн кв. км), окончательно завоеванные в 1902 г., составили «военную территорию», управлявшуюся офицерами и, следовательно, подчиненную французскому минобороны.

Авангард прибывавших в Алжир с 1834 г. поодиночке и группами колонистов составили люди авантюрного склада, основную массу – рабочие и ремесленники, которые были выходцами из Франции, Италии, Испании или с Мальты. Среди первых поселенцев встречались столь фантастические фигуры, как бывший польский князь Святополк де Мир-Мирский, занимавшийся земельными спекуляциями, но в три года разорившийся. Ему подобных прозвали «колонистами в желтых перчатках»⁴⁸.

В долине Митиджа (окрестности города Алжир) к 1839 г. колонистов на мелких участках по 10 га, раздававшихся им во временное пользование, насчитывалось 15 тыс. человек, а вместе с наемными рабочими-европейцами – 18 тыс. Многие из них погибли от рук повстанцев Абд аль-Кадира. В более мощном, чем первая волна, но нестабильном притоке иммигрантов в Алжир, хлынувшем в сороковые годы ХК века, встречались немцы и швейцарцы: пожелавшие выехать через Францию в США, они были вместо этого вывезены в Алжир. Однако самой многочисленной группой после французов, предпочитавших селиться в городе Алжир и возле него, были испанцы, которые устремились в департамент Оран, образовав там компактную общину. В 1901 г. испанцев, которых прозвали «улитками», ибо они мигрировали из бедных районов, в том числе с Балеарских островов, со всем своим скарбом на спине, насчитывалось 155 тыс. (против 364 тыс. французов, включая натурализованных). На следующем месте по численности стояли итальянцы (около 38-40 тыс. в 1901 г.), селившиеся возле города Бон (ныне Аннаба) и на восток от него, занимаясь не столько земледелием, сколько рыболовством и добычей кораллов. В Алжире осели также некоторые ветераны Африканской армии, которая с 1831 г. включала в себя Иностраннный легион, коренная национальность личного состава которого неизвестна.

Вплоть до 1909 г. стихийная иммиграция шла параллельно с организованной. Случалось, правда, что обещанные за морем колонистам молочные реки в кисельных берегах оборачивались недостроенными домами под соломенной крышей и заросшими бурьяном приусадебными участками земли. Но, как правило, новопоселенцев ждали благоустроенные деревенские поселки с мощеными улицами, зданием почты и церковью. В 1848–1849 гг. возникли 50, а в 1851–1858 гг. – 68 таких однотипных поселков; позже строились более крупные «центры колонизации».

⁴⁷ Название книги Фархата Аббаса, выпущенной в 1962 г. в Париже.

⁴⁸ Этот князь начал с того, что создал в 1839 г. в Марселе «Христианскую компанию по цивилизации Африки», привлекая к ней крупных капиталистов города. (*Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine. Paris: PUF. 1964, p. 120, 161).*

Надо сказать, что первопроходцы, составившие корень европейского общества Алжира, с опаской и даже с негодованием относились к власти офицеров, считая, что «арабские бюро», по сути военные комендатуры, вершившие суд и расправу над туземцами, ставят под угрозу их, поселенцев, собственную безопасность, настраивая мусульман против мирных тружеников. Местная печать расписывала злоупотребления снискавших дурную славу «арабских бюро», при создании которых в 1833 г. (и реорганизации в 1844 г.) преследовались не только репрессивные, но и гуманитарные цели: борьба с болезнями, распространение агротехнических знаний среди туземного населения и его перевод на оседлость, защита лесов и т. п. Между тем решение Сената от 7 июля 1864 г. подчинило алжирских префектов командующим военных округов, подлив масла в огонь «войны с военщиной», в которую после ужасов голода 1867 г., восстановившего самых безобидных туземцев против европейских фермеров, которым пришлось вооружаться для охраны своего хозяйства, втянулась и африканская церковь в лице архиепископа Шарля Лавижери, упрекавшего армию в том, что своими бесчинствами она мешает прозелитизму и цивилизаторской миссии Франции. Эхо этой страстной полемики отзывалось в метрополии, где много лет не утихали споры между сторонниками гражданского режима в Алжире и сторонниками военного.

В пылу таких споров законодательный корпус за полгода до краха Второй империи обсуждал проекты реформ, призванных реорганизовать управление Алжиром, о котором Наполеон III туманно говорил, что это «не колония в собственном смысле», и тем самым внес полную сумятицу в умы европейских поселенцев. В самом деле, под его давлением сенаторы официально объявили в 1863 г. Алжир «арабским королевством», а территорию алжирских племен – их «несменяемым владением». Тем же решением Сената предписывалось размежевание территории племен, «дабы точнее подсчитать их богатства и ресурсы» и, где возможно, «учредить частную собственность», что вылилось в подготовку ограбления общинников; но временно колонизация была парализована. Совершив летом 1865 г. путешествие по заморским департаментам, загадочный император, прозванный Сфинксом Тюильри, пролил свет, наконец, на свою идею. «Эта страна, – объяснил он маршалу Патрису де Мак-Магону, губернатору Алжира, – одновременно арабское государство, европейская колония и французский лагерь». Пытаясь разгадать загадку сфинкса, одни полагали, что бывший карбонарий заигрывает с традиционной алжирской знатью в надежде вырастить из них крупных феодальных вассалов, верных Франции, другие сошлись на том, что он стремится избежать слишком явного притеснения алжирцев, очень невыгодного ввиду союза с турками. Как бы то ни было, встревоженные головоломками императора («Если королевство, то во главе с кем? Не с эмиром ли Абд аль-Кадиром, которого собираются вернуть из Сирии?»), колонисты примкнули к лагерю республиканцев, ратуя при этом за «ассимиляцию» Алжира: в смысле полной ликвидации административно-правовых различий между ним и Францией. Частично такая ассимиляция была осуществлена, но остановилась на полпути. Решением Сената (от 9 марта 1870 г.), который совершенно обошел вниманием усилия комиссии, образованной правительством для подготовки «конституции» Алжира, на его гражданскую территорию распространялось общее французское право. Однако теоретически вытекавшая из этого положения принудительная ассимиляция туземного населения, здесь не практиковалась; планы сделать всех алжирцев французами, если и претворились в жизнь, то в отношении лишь одной этно-конфессиональной группы.

24 октября 1870 г. был издан декрет, инициированный министром юстиции Адольфом Кремье (1796–1880) и поддержанный министром внутренних дел Леоном Гамбетта (1838–1882), гласивший: «Местные евреи, проживающие в департаментах Алжира, объявляются французскими гражданами. С момента обнародования настоящего декрета все вопросы их статуса должны решаться в соответствии с французским законодательством...». Таким образом еврейская община Алжира (на момент обнародования декрета это 37 тыс. человек) поголовно

обрела французское гражданство, которое раньше ее представители получали по желанию, причем этим правом воспользовались немногие: по разным данным, от 144 до 289 человек.

Социальное и имущественное положение алжирских евреев, завидное лишь у горстки семей, которые сколотили себе состояние еще в XVIII и начале XIX века, разбогатев на крупных финансовых махинациях, не могло измениться в один день. Ровно так же, как не сразу изменились быт и нравы этих «неофранцузов», к эмансипации которых стремился многоопытный адвокат и политический деятель либерального толка Кремье, однако, плохо представлявший себе обстановку в Алжире, где он бывал лишь короткими наездами и проникся сочувствием к своим единоверцам. Поднятые со дна общества, они оказались на шаткой доске между европейскими колонистами, не готовыми принять в свой круг экзотических «восточных» евреев, и мусульманами, которые с осени того же 1870 г. пользовались несколько двусмысленным статусом французских подданных (подданных Республики).

Стоит отметить, что знаменитый «декрет Кремье» был выпущен одновременно с принятием других важных решений по Алжиру при чрезвычайных обстоятельствах – еще в разгар франко-прусской войны – делегацией правительства «национальной обороны», находившейся в Туре. Прорыв под Седаном был уже позади, Париж в осаде, во многих городах Франции создавались коммуны. Городская коммуна возникла и в Алжире, примеру которого последовали несколько других городов страны. Требования алжирских коммунаров, возглавленных амнистированным ссыльным, сводились к ускорению гражданских реформ, в том числе речь шла о создании местных представительных органов и суда присяжных. Внешне демократические, эти реформы, которые получали промульгацию в метрополии, а в основном готовились в Алжире, грозившем отделиться, если требования здешних европейцев не будут удовлетворены, проводились в интересах колонистов.

Поселенцы, славшие телеграммы поддержки Парижской коммуне, добились расширения своего представительства в законодательных органах Франции, где вскоре завели свое влиятельное лобби в лице горстки «профессиональных» депутатов, десятилетиями подвизавшихся на парижской политической сцене. Среди них особой энергией отличались Эжен Этьен и Гастон Томпсон.

Родившийся в Оране в семье солдата, Этьен был в свои сорок лет избран в 1881 г. депутатом, в 1891 г. назначен вице-министром колоний и не покидал парламентскую скамью в течение 30 лет. Но Томпсон его превзошел, парламентский стаж этого депутата из Орана составил более 50 лет (1877–1932). Что касается туниских французов, то они при Третьей республике не имели своих представителей в законодательных органах метрополии, где их интересы защищали алжиро-европейцы. Они и другие политические долгожители того же рода (скажем, депутат Эмиль Марино, мэр Константины и владелец местной газеты «*Républicain*», убеждавший администрацию быть «беспощадной» с туземцами), внесли свою лепту в формирование порядка «колониального двоевластия». Иначе говоря, постоянной игры между, с одной стороны, силами европейской верхушки Алжира, которая имела свою руку в парижских министерствах и парламентских комиссиях и, с другой стороны, правительством Франции, которое волей-неволей шло на поводу у этой верхушки, преследовавшей собственные эгоистические цели. В этой связи Р.Г. Ланда приводит любопытную цитату из доклада Жюлья Ферри сенатской комиссии 1892 г. Бывший премьер-министр, являвшийся символом французской колониальной экспансии, писал: «У колониста Алжира много пороков. Он. более всего желает эксплуатировать туземца и метрополию. Моральный и интеллектуальный уровень колонистов почти не поднимается выше повседневных забот. Дух гражданственности среди них еще не преобладает»⁴⁹. Сетуя на провинциальность и узколобость алжирского колониста, неспособного воспарить над местническими интересами, автор доклада скорее всего имел в виду власть иму-

⁴⁹ Ланда Р.Г. Борьба алжирского народа против европейской колонизации (1830–1918). М.: Наука. 1976, с. 190.

щих и нуворишей: тех воротил колониального бизнеса, которых называли «*prépondérants*», что буквально означает «превалирующие».

Отстаивая свои позиции, эти влиятельные денежные тузы порой вступали в бой с неугодным им генерал-губернатором, как это случилось в 1891–1897 гг. с Жюлем Камбоном⁵⁰, который с первого же дня своего появления в Алжире стал «врагом общества». Каким же был средний тип алжирских европейцев, прозванных «*pieds-noirs*», т. е. «черноногими»; прозванных так алжирцами, поскольку те носили не бабуши или сандалии, а черные ботинки; потом это прозвище стали широко употреблять, хотя с обувью оно уже не было связано.

Социальная и этническая разнородность поселенческой колонии Алжира, отчасти сформировавшейся по принципу «плавильного котла» и во многом за счет иммигрантов, движимых не жадной наживы, а бегством от нищеты, составляла ее специфику. Некоторые французы являлись потомками пионеров колонизации, оказавшихся в Алжире в результате таких событий, как промышленный кризис и революция 1848 г., подтолкнувших переселение за море 20 тыс. парижских мастеровых (работавших ранее по государственному найму), половина из которых вскоре погибла от лишений и болезней или уехала обратно, не сумев перейти к крестьянскому труду. Не раз возникала идея сделать Алжир своего рода Австралией: местом поселения каторжан. И действительно, здесь был создан каторжный лагерь Ламбез (ныне г. Тазулт) для ссыльных республиканцев, чей подневольный труд использовался на строительстве европейских «центров колонизации».

После франко-прусской войны на новые земли были выведены около 5 тыс. беженцев из потерянных Францией территорий (Эльзас-Лотарингия). Эти эльзасцы, как и парижане 1848 г., в основном были ремесленниками или фабричными рабочими-ткачами. Вскоре они начали сдавать полученные земельные участки в аренду, а большинство перебралось из сел с ностальгическими названиями «Мец», «Страсбург» и т. п. в алжирские города, где многие вернулись к прежним занятиям.

Однако бедняцкое происхождение, да и скромное положение подавляющей массы алжирских европейцев отнюдь не толкало их к сближению с мусульманами, которых они опасались, как римляне варваров. Благодушные мечтания поклонников Анри Сен-Симона и Ж.-Б. Фурье, воспевавших идеал свободного труда вместе с колонистами-арабами, разбились о жестокую действительность. Колонизация шла под сенью доблестных штыков, и отношения поселенцев с туземцами, пока последние не двинулись батрачить на европейские фермы, долго оставались отношениями воюющих сторон. Вместе с тем низкое социальное происхождение многих алжирских европейцев, в том числе испанцев (зачастую совсем неграмотных крестьян, которые прибывали в Алжир с тощей сумой, но памятуя, что их историческая родина изгнала евреев-сефардов в 1492 г.), вовсе не исключало, если не способствовало, их склонности к юдофобии, обращенной на новых сограждан-иноверцев, которых иммигранты презирали не меньше, чем мусульмане, обиженные возвышением своих «бывших рабов».

Коллективная натурализация евреев, возможно, преждевременная и явно психологически не подготовленная для них самих, вызвала гнев многих европейцев Алжира, требовавших ее отменить. Сразу возник миф, что кабийское восстание 1871–1872 гг., лидер которого, кавалер ордена Почетного легиона – башага Мухаммед аль-Мукрани (ранее лояльный французам)⁵¹, как-то заявил, дескать, лучше он станет «подчиняться офицеру, чем еврею»⁵², было

⁵⁰ Жюль Камбон (1845–1935) – юрист по образованию, участник франко-прусской войны, в 1878–1882 гг. – префект Константины, в 1891–1897 гг. – генерал-губернатор Алжира, затем посол в США, Мадриде и Берлине, генеральный секретарь французского МИД, участник Парижской мирной конференции.

⁵¹ Башага – лидеры больших или малых племен, подчиненные французской администрации и получавшие от нее жалование. В данном случае это – правитель целой области.

⁵² Он сказал, в частности, одному французскому командиру буквально следующее: «Ваших генералов, которых мы привыкли слушаться и почитать как слуги, оскорбляют, их заменяют лавочниками и евреями и думают, что мы снесем это молча».

вызвано, поспешной акцией Кремье, которая якобы и стала причиной смуты. Хотя действительные причины и даже повод волнений в Кабилии лежали совсем в иной плоскости, нежели трения между мусульманами и иудеями, которых большинство алжирцев, и правда, считало пособниками, если не виновниками оккупации их земли «гяурами».

К восстанию, поднятому Мухаммедом аль-Мукрани 14 марта 1871 г., примкнула часть религиозного братства Рахмания, поэтому оно охватило обширную территорию – вплоть до сахарских оазисов на востоке Алжира. 5 мая зачинщик восстания погиб в бою, его брат Бу-Мерзаг Мукрани был пленен раненым 20 января 1872 г., приговорен к смертной казни, но помилован и сослан на тихоокеанский остров Новая Каледония, где участвовал в подавлении восстания аборигенов-канаков⁵³; другие члены этой знатной семьи бежали в Тунис и помогли французам (как проводники и соратники) в его завоевании (1881 г.)⁵⁴. Простые мятежники были лишены части своей земли, а за оставшуюся у них часть должны были выплатить контрибуцию французским властям. Как результат, львиная доля их пригодной к обработке земли была секвестирована и перешла к новым поселенцам.

Между тем Антиеврейская лига, созданная в Алжире вслед за изданием «декрета Кремье», оказалась живучей. Она бурно реагировала на «дело Дрейфуса», учинив в 1898 г. травлю местных евреев, одного из которых линчевали, снова потребовала отмены пресловутого декрета и провела в мэры Алжира своего кипучего лидера, натурализованного француза итальянского происхождения Массимилиано Милано, подстрекателя погромов. Юдофобы почувствовали себя хозяевами положения и тотчас потребовали отставки слишком либерального генерал-губернатора. Случившиеся впервые в январе 1898 г., погромы прокатились с новой силой в сентябре следующего года. В ходе них обнаружилось, что алжирские департаменты были единственной территорией Франции, где антисемитский угар сказался на избирательном процессе.

Печальные события тех лет не прошли без следа, завещав свой груз XX столетию, и сыграли свою роль в развитии перекрестно негативного восприятия еврея (полуевропейца, полутуземца в глазах французских шовинистов и мусульманских националистов, нашедших свою точку соприкосновения в доморощенном алжирском антисемитизме, обострившемся на фоне экономического кризиса 30-х годов прошлого века).

Параллельно складывалась особая социальная психология европейского меньшинства Алжира, культивировавшего идею собственного физического и морального превосходства не только над «дикими» арабами, в сражении с которыми гибнет под г. Джиджелль⁵⁵ литературный герой Дюма, виконт де Бражелон, но и над «скаредным, вялым и т. п.» населением метрополии. Эта массовая психология со временем породила сепаратистские настроения алжирских европейцев, заложенные еще в конце XIX века и проявлявшиеся в том, что поселенцы, в основном католики, смешиваясь с другими христианами через брачные отношения, стали осознавать себя как настоящих «алжирцев» (в отличие от арабов, «которым место в Аравии»), или некую «неолатинскую расу», идея которой, возвращенная церковниками, реакционными политиками, антисемитами, арабофобами и, наконец, авторами «L'Afrique Latine» (журнал, издававшийся в Алжире и популярный до Первой мировой войны), странным образом совмещалась у представителей этой новой расы с бьющим через край французским патриотизмом великодержавного свойства. Тем самым, носителей которого позже стали называть «ультра».

(Рамбо А / История XIX века. Перевод с французского. Том 8. М.: ОГИЗ. 1939, с. 221). Семья аль-Мукрани принадлежала к верхушке алжирского общества, ее члены считали себя потомками Пророка и некоего французского аристократа, выброшенного кораблекрушением на берег Алжира и принявшего ислам. (Там же, с. 221).

⁵³ Канаки восстали в 1878 г., а Бу-Мерзаг Мукрани был доставлен в Алжир 13 июля 1905 г., где теперь не имел ни кола ни двора и ровно через год умер (Julien Ch.-A. Histoire de l'Algérie contemporaine. Paris: PUF. 1964, p. 498).

⁵⁴ Рамбо А. / История XIX века... с. 221–224.

⁵⁵ Во французской литературе часто упоминается как Джиджелли.

Помимо парижской и местной прессы правого толка, щедрой на изображение пугающей картины «мира туземцев» и повлиявшей на воспитание умов алжирских европейцев, делали свое дело произведения второсортных, но имевших изрядную читательскую аудиторию французских писателей, создавших жанр «колониального романа», процветавший в первом десятилетии прошлого века и несколько утративший героико-национальный пафос в послевоенные 1920-е годы. Тем не менее певец «латинского духа» Луи Бертран активно продолжал вести свою агитацию художественным словом, а Пьер Бенуа, мастер любовно-авантюрных романов с колониальной экзотикой («Атлантида», «Дорога гигантов», «Хозяйка ливанского замка», «Полуночное солнце»), перед Второй мировой войной стал склоняться к фашизму, импониравшему определенной и немалой части европейского населения Алжира. Имел хождение и термин «algérianisme», введенный в 1911 г. беллетристом Робером Рандо (Арно), который восхищался алжирским чудом, якобы превзошедшим римские деяния, благодаря которому «impérium» неолатинского народа «станет править миром»⁵⁶.

С декабря 1900 г. совокупность трех алжирских департаментов получила гражданскую правосубъектность, что придало им характер административной автономии и, строго говоря, противоречило расхожему мнению о том, что «Алжир – продолжение Франции». По ряду вопросов префекты и другие чиновники напрямую подчинялись парижским министерствам и ведомствам. Однако институт генерал-губернаторства представлял собой центральную исполнительную власть в масштабах всего Алжира. Идея его ассимиляции уступила место концепции «rattachement», т. е. «присоединения» к метрополии, а позже заменена идеей «ассоциации». Поэтому тезис «Алжир – это Франция», вытекающий из текста французской конституции 1848 г., и представление о том, что «Алжир – наша родина», а в Париже «нас не понимают», свободно уживались в умах алжирских европейцев. На практике квазиавтономия Алжира означала всевластие верхушки поселенческой колонии, ревностно охранявшей свои привилегии, выступая против ассимиляции алжирцев-мусульман, общее количество которых в 1914 г. превысило 4,5 млн и на 92 % состояло из сельских жителей. Их перемещению в города препятствовали, помимо всего прочего, местные законы, ограничивавшие внутреннюю миграцию мусульманского населения, в том числе между департаментами («Туземный кодекс»)⁵⁷.

Урбанизация в Алжире вплоть до второй трети XX века «высасывала» из деревни в основном европейцев. В 1872 г. около 40 % европейского населения Алжира составляли сельские жители, их абсолютная численность поднялась почти в полтора раза к 1880 г., поскольку с юга Франции потянулись крестьяне, бежавшие из пораженных филлоксерой винодельческих районов (главным образом из Прованса и с берегов Гароны). Болезнь растений, бороться с которой приходилось сплошным выкорчевыванием старой лозы, впервые поразила в 1865 г. департамент Гар, затем распространилась в районе Бордо, а в 1890 г. охватила с большей или меньшей интенсивностью все виноградники Франции. Их несомненно удалось обновить. Тем временем благодаря иммиграции виноградарей определилась ведущая специализация товарного земледелия Алжира – экспортера вина. Однако, несмотря на то, что эта отрасль относится к трудоинтенсивным, уже к 1906 г. уровень урбанизации среди алжирских европейцев повысился до 66 % и дальше продолжал расти. Это сопровождалось процессом укрупнения средней земельной собственности фермеров, которые воспользовались, во-первых, экспроприацией земель 250 племен, восставших в 1871–1872 гг., после чего парламент ассигновал 50 млн франков на создание новых земледельческих колоний, членам которых раздавались участки до 20–40 га каждому; во-вторых, «законом Варнье» от 1873 г., модифицированным в 1887 г., по которому аннулировалась нераздельная форма собственности *мульк* (в принципе

⁵⁶ Ganiage J. Histoire contemporaine du Maghreb de 1830 à nos jours. Avec la collaboration de J. Martin. Paris: Fayard. 1994, p. 242.

⁵⁷ Введен в 1881 г., поэтапно отменен к 1927 г.

«безусловная», почти частная, но не всегда индивидуальная) и отменялась неотчуждаемость земель *хабус* = *вакф*). Те и другие земли, как и общинные владения *арии*, принудительно разбивались на мелкие наделы, передавались в частные руки и становились объектом купли-продажи. Бум купчих сделок привел к тому, что в некоторых районах за десять лет обширные угодья полностью поменяли хозяев, иногда гектар плодородной земли продавался за 1,5 франка. Поэтому 1871–1900 гг. оказались периодом стремительного увеличения европейской земельной собственности в ущерб «туземной», оттесненной из относительно влажных долин на сухие плоскогорья Высоких плато или на подверженные эрозии склоны гор Кабилии. Лучшие земли достались европейцам. Не случайно после «золотой эры» колонизации последней трети XIX века все реже стали встречаться сезонные или постоянные рабочие – либо французы, либо испанцы, их место стал занимать «туземный» сельский пролетариат.

Закон от 26 июня 1889 г. устанавливал, что каждый европеец, рожденный в Алжире, становится французом, если по достижении совершеннолетия не откажется от этого статуса. Таким образом, разношерстное по историческому и этническому происхождению европейское население, которое в последней трети XIX века бурно росло за счет иммиграции⁵⁸, «автоматически» получило французское гражданство, ранее возникавшее по личному запросу о натурализации. (В индивидуальном порядке его оформляли и некоторые мусульмане). Тем самым был дан зеленый свет появлению «креольского» общества алжирских европейцев, которое в дальнейшем росло за счет самовоспроизводства, так как на рубеже веков иммиграция замедлилась, а с 1911 г. фактически остановилась⁵⁹ и, напротив, пока еще тонкой струйкой потекла трудовая эмиграция алжирцев-мусульман во Францию, прежде всего в Марсель, где они нанимались в докеры, открывали свои харчевни и постоялые дворы. По данным на 1912 г., когда впервые был разрешен выезд алжирцев в метрополию, там насчитывалось 12–13 тыс. таких отходников, обычно выезжавших на заработки без семьи. Но это было только начало. К 1914 г. одних кабиллов стало во Франции 15 тыс. (против 5 тыс. в 1912 г.). Алжирцы выезжали и в соседний Тунис, где имелся неудовлетворенный спрос на рабочую силу в горной промышленности.

После Первой мировой войны кабиллы, которые обычно имели в каждой большой семье 3–4 родственников во Франции, составляли здесь не менее половины выходцев из Алжира (всего около 100 тыс.), находивших работу в металлургической, химической, строительной и горной промышленности, а также в сфере обслуживания⁶⁰. Они образовали крупные колонии в индустриальных зонах метрополии, задерживаясь там не на месяцы, а на годы. Сама по себе пролетарская эмиграция, примерно в пять раз превосходившая число рабочих-мусульман, оставшихся в Алжире, становилась главной особенностью алжирской социальной структуры. Во Франции, а не на родине алжирцы приобретали элементарную квалификацию, знакомились с профсоюзным движением и лозунгами левых партий. Этой особенностью не исчерпывалась, однако, картина развития колониального Алжира, представлявшего собой в социальном плане мозаику, которую известный социолог Пьер Бурдьё назвал «системой каст», характерных как для арабо-берберского общества (которое вопреки усилиям властей, направленным на его этнический раскол, консолидировалось на основе ислама), так и для европейского соци-

⁵⁸ «Невоенных» французов в Алжире насчитывалось в 1866 г. всего 112,1 тыс. К концу века их число достигло 270 тыс. Прочих европейцев насчитывалось 216 тыс. (*Рамбо А.* / История XIX века. Перевод с французского. Том 8. М.: ОГИЗ. 1939, с. 228).

⁵⁹ Франция – первая европейская страна, где в XX веке (примерно с 1912 г.) наблюдался спад рождаемости. В Первой мировой войне она понесла огромные людские потери: почти 1 млн человек среди 19 млн мужского населения.

⁶⁰ Представители старшего поколения кабийской эмиграции нередко получали во Франции образование и достигали немалых успехов в университетских и научных кругах. Здесь можно вспомнить имя родившегося в Большой Кабилии видного философа и историка ислама Мухаммеда Аркуна (1928–2010) – профессора Сорбонны, знатока арабской общественной мысли. (См.: *Долгов Б.В.* Арабо-мусульманское сообщество во Франции: Исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 годы). М.: Ленанд. 2017, С. 30).

ума, «единым блоком» являвшегося классом господ, но разделенного изнутри массой официальных и невидимых барьеров⁶¹.

К 1931 г. в Алжире постоянно проживало свыше 907 тыс. европейцев (805 тыс. без учета евреев с французским гражданством). Общий удельный вес европейского анклава составил около 15 % населения страны и затем стал неуклонно снижаться, несмотря на сравнительно высокую рождаемость в семьях «неофранцузов» испанского, итальянского, смешанного или, наконец, еврейского происхождения. Так называемые европейцы-иностранцы, как правило, представляли собой иммигрантов в первом поколении, ибо отказ от французского гражданства являлся сложной процедурой и не приносил никаких экономических выгод. Абсолютная численность иностранцев с 1911 г. приобрела устойчивую тенденцию к сокращению. Однако в 1936 г. среди алжирских европейцев насчитывалось 127 тыс. иностранцев из 946 тыс. (включая евреев) и в 1954 г. – 71 тыс. из 984 тыс.

Алжиро-европейцы, лично наделенные теми же политическими правами, что и жители метрополии, избирали от каждого департамента одного сенатора и двух депутатов нижней палаты парламента. Вместе с тем реформы первых десятилетий Третьей республики привели к созданию общих для Алжира представительных органов: консультативного «Высшего совета», созданного в 1894 г., и «Финансовых делегаций», учрежденных во исполнение декрета от 23 апреля 1896 г., -которые собирались на пленарную сессию для утверждения местного «специального» бюджета (дефицит которого всегда покрывался за счет французского обычного бюджета). Среди финансовых делегатов изначально было 48 французов, представлявших интересы колонистов-агров и лиц, занятых несельскохозяйственной деятельностью (по 24 человека в каждой секции), а также 21 алжирец, в том числе шестеро кабиллов, за которыми были закреплены их места в третьей секции. Финансовые делегации в течение 20 лет отстаивали взимание с мусульман «коранических налогов» сверх введенных в Алжире прямых и косвенных налогов, обеспечивавших специальный бюджет гражданской территории. Военная территория управлялась «бюро по делам туземцев» – преемниками «арабских бюро», которые в 1870 г. были подчинены генерал-губернатору, а в 1880 г. упразднены.

«Высший совет» Алжира, куда вошли 60 человек, в том числе главные чиновники администрации и всего 7 представителей коренного населения, на первых же заседаниях объявил алжирцев «низшей расой», годной лишь служить у европейцев в качестве батраков, каменщиков, умелых сапожников⁶².

Впоследствии этот совещательный орган был расширен, в его составе стало 10 алжирцев. В каждом из трех департаментов, которые делились на полноправные (чисто европейские) коммуны и смешанные коммуны, избирался «генеральный совет». Он состоял из 24 европейцев и 6 алжирцев, их электорат был ограничен всего пятью тысячами человек, включая каидов и мелких чиновников.

Каиды, ага и башага, выполнявшие функцию провинциальных администраторов, подбирались французскими властями не столько из представителей традиционных «великих семейств» (условно говоря, феодалов), которые иссохли, обеднели, если не были уничтожены, сколько из подраставшей «снизу» арабской и берберской клиентелы. Вестернизация этой новой элиты шла медленно. Появившиеся в 1865 г. «арабско-французские школы», где утром велось преподавание по-арабски, вечером – по-французски, вскоре были закрыты. К 1882 г. остались всего 16 таких учебных заведений первой ступени и три коллежа в больших городах. Для подготовки школьных учителей было создано педагогическое училище в пригороде Алжира, но туда попадали лишь единицы мусульман. В 1890 г. только 2 %, а в 1914 г. – 5 % мусульманских детей, почти исключительно мальчики, посещали либо французские школы,

⁶¹ Bourdieu P. Sociologie de l'Algérie. Paris: PUF. 1963, p. 141.

⁶² Жансон К. и Ф. Алжир вне закона. Пер. с франц. М.: Изд-во иностр. литры. 1957, с. 78.

либо коранические школы, созданные французами с целью подготовки чиновников со средним образованием, сведущих в литературном арабском языке и мусульманском праве. Лишь 34 алжирца к 1914 г. получили полное среднее образование с со степенью бакалавра (здесь: с аттестатом зрелости) и 12 окончили вузы⁶³.

Во французские школы, являвшиеся в глазах большинства алжирцев учреждением «гяуров», они и сами неохотно отдавали своих детей. Исключение составляла Кабилия, где местные нотабли отнеслись к этому вопросу либерально, разрешив детям посещение школ, в которых преподавался французский язык. Об отличительных особенностях кабиллов писал русский натуралист П.А. Чихачев, посетивший кабийскую деревню возле горы Джурджур в апреле 1878 г. В этой деревне было 60 домов и жили примерно 200 человек. Приезжих любезно встретил здешний каид. После завтрака, пишет автор, каид «сопровождал мою жену в гарем одного богатого землевладельца, ибо гарем самого каида находился в соседней деревне. Закон Мухаммеда допускает многоженство, но оно редко осуществляется кабилами, хотя официально они и мусульмане, но не очень рьяные приверженцы Корана. Как бы желая лишний раз подчеркнуть разницу между нравами кабиллов и арабов, каид привел меня в семью менее богатого землевладельца, семью очень скромную, состоящую из одной жены, ее двух сестер и матери. Эти дамы с изукрашенными татуировкой лбами, с руками, увешанными тяжелыми серебряными браслетами, приняли меня по-французски, приветствуя словом «bon jour!», произнесенным правильно, без всякого акцента, и крепко пожали мне руку на английский манер»⁶⁴.

После введения в марте 1912 г. воинской обязанности для алжирцев, реализуемой по жребью (от нее можно было законно откупиться) служба в армии оказалась более широким каналом их социального продвижения и приобщения к европейской среде, нежели государственная система образования, против распространения которой на мусульман активно выступали европейские поселенцы, ссылаясь устами своих избранников на дороговизну этого мероприятия. Попытки внедрения в Алжир элементов демократической политики в сфере народного просвещения, развернутой во Франции при правительстве Жюль Ферри и означавшей бесплатность образования, а также единообразие учебных программ, вылилось в создание особых школ для туземцев (*écoles auxiliaires*), которые появились в 1884–1908 гг. и обслуживались кадрами низкой квалификации. Крайне редко встречались мусульмане на службе в аппарате центральной колониальной администрации или на уровне департаментов. И вопреки тому, что можно было бы думать, имея в виду, что Алжир – старейшее и головное звено французских владений в Северной Африке, формирование местной интеллектуальной элиты, воспитанной в европейском духе, отставало здесь и по времени, и в количественном отношении от данного процесса в Тунисе. По словам Жака Берка, в начале 30-х годов XX века вестернизированная прослойка мусульманского населения («*évolués*») была в Алжире тонкой и даже «скандално немногочисленной»⁶⁵.

⁶³ *Ganiage J. Histoire eontemporaine du Maghreb. P. 247.*

⁶⁴ *Чихачев П.А. Испания, Алжир, Тунис. М.: Мысль. 1975, с.133.*

⁶⁵ *Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. Paris: Seuil. 1962, p. 103.*

Глава 3

Развитие национального движения

Алжир – моя родина, ислам – моя религия, арабский язык – мой язык.

Девиз алжирской Ассоциации улемов-реформаторов, 1931 год

Если бы я обнаружил алжирскую нацию, то стал бы националистом... Однако я не умру за алжирскую родину, потому что она не существует. Ее я не нашел. Я вопрошал историю, спрашивал живых и мертвых, ходил по кладбищам: ответ – молчание...

Фархат Аббас, 1936 год

Действительно, в 1884 г. всего 6 алжирцев сидели на скамье столичного Алжирского университета⁶⁶, в 1907 г. – уже 50, но это было каплей в море. При этом в 1908 г. только 33,4 тыс. алжирцев школьного возраста (4 % от них) посещали школу современного типа, с изучением французского языка⁶⁷, и значит, теоретически имели шанс попасть в какой-нибудь вуз на родине или в метрополии. Высшее мусульманское образование в Алжире тоже было развито слабо: медресе существовали лишь в трех городах: Алжире, Тлемсене и Константине. Желавшим подняться на вершину богословского знания и стать настоящим, дипломированным религиозным «шейхом» надо было ехать в Фес (университет аль-Карауин), Тунис (университет аз-Зейтуна) или в Каир (университет аль-Азхар).

Тем не менее на рубеже веков в Алжире зарождалась местная интеллигенция. Особенно активную ее часть представляли собой младоалжирцы, исповедовавшие примерно те же взгляды, что и младо- тунисцы⁶⁸, но организационно более раздробленные. Самые крупные их кружки образовались в городах Алжир и Константина. Они обзавелись частными типографиями, требовали равенства между алжирцами и французами, отмены расистского «Туземного кодекса» и отправляли петиции с этими требованиями в Париж. Одну из них им удалось вручить в 1912 г. лично премьер-министру Раймону Пуанкаре.

Первая мировая война привела к мобилизации 155 тыс. алжирских европейцев и 173 тыс. алжирцев. Кроме того, 119 тыс. алжирцев были направлены во Францию в качестве рабочей силы. Погибли на войне 25 тыс. (по другим сведениям, 50 тыс.) алжирцев. При этом не менее 120 тыс. человек бежали от мобилизации, как правило, в горы⁶⁹. Понятно, что это обезлюдило деревню в равнинных, приморских областях страны. Демографический рост ее коренного населения был зафиксирован только переписью 1931 г. Одновременно началась и миграция из деревни в город.

Раскол французской соцпартии на съезде в Туре (конец декабря 1920 г.) привел к формированию Французской коммунистической партии (ФКП). На первых порах ее филиал в Алжире – Алжирская коммунистическая партия (АКП) – насчитывал 400 тыс. человек, среди которых было всего два алжирца⁷⁰. Иначе дело обстояло во Франции.

⁶⁶ Он был официально открыт в 1908 г., ранее существовали отдельные факультеты высшего образования.

⁶⁷ Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. М.: ИВ РАН. 1999, с. 28–29.

⁶⁸ О них см.: Видясова М.Ф. Тунис. Маршрут в XXI век. М.: Садра, 2018. С. 26–33.

⁶⁹ Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. С. 47.

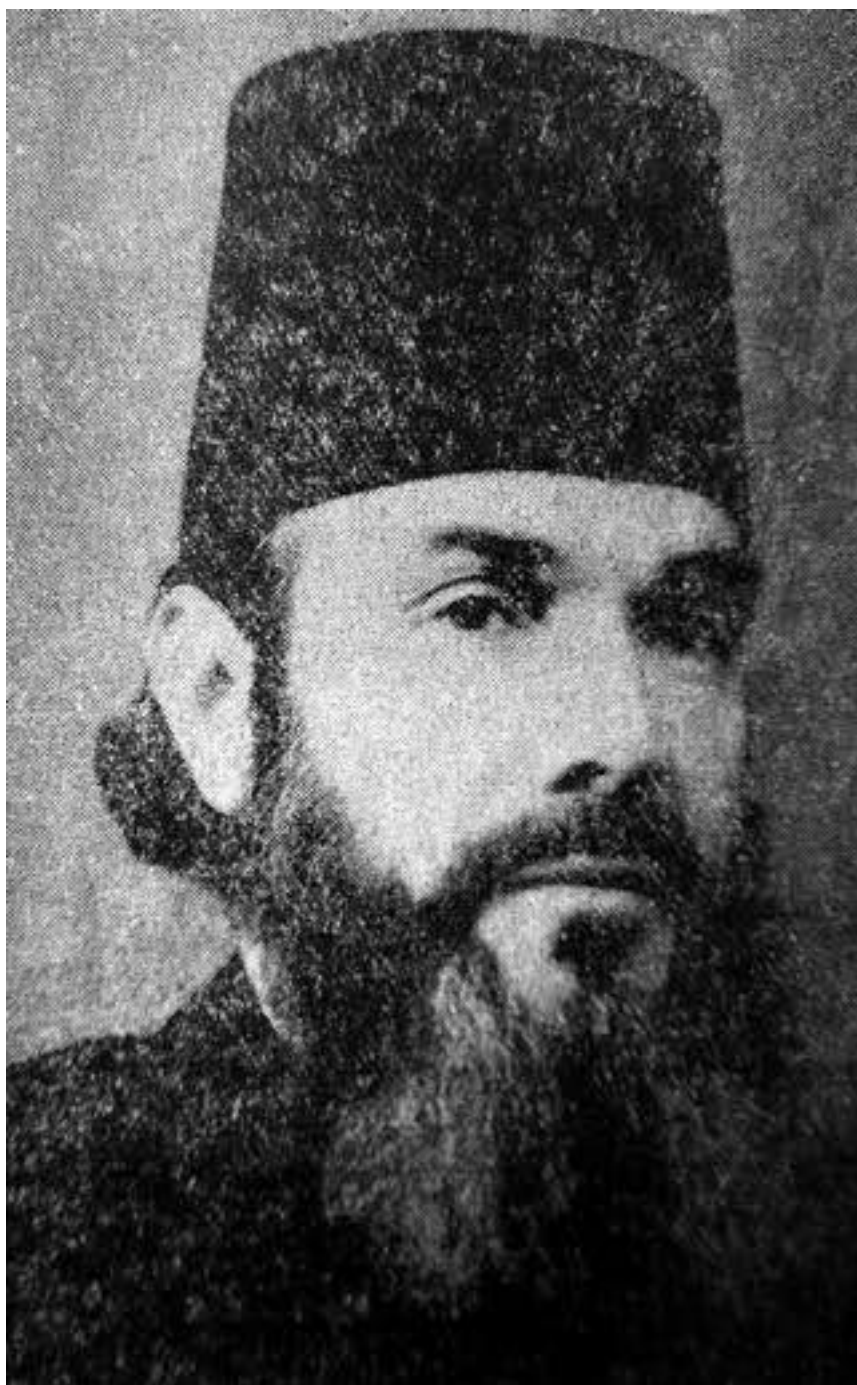
⁷⁰ Там же, с. 56.

3.1. «Североафриканская звезда»

Под эгидой ФКП 26 марта 1926 г. была основана в Париже организация «Североафриканская звезда» (САЗ), которая объединила выходцев из трех стран Магриба. Однако ее костяк составили рабочие-алжирцы. Первым, правда недолговечным, председателем САЗ был тунисец Шадли Хайраллах, а генеральным секретарем – Ахмед Мессали Хадж (1898–1974). Он был человеком из «низов»: сын тлемсенского башмачника, сержант французской армии (1918–1921), затем парижский разнорабочий или (порой) уличный торговец, женившийся на работнице-француженке. В молодости – член религиозного братства Даркава, потом член ФКП (1924–1930) и генеральный секретарь «Североафриканской звезды» (с 1926 г., а с 1928 г. – ее председатель) и, наконец, адепт арабского националиста, ливанского эмира Шакиба Арслана. Забегая вперед, скажем, что он был арестован в 1937 г., вскоре после основания им Партии алжирского народа (ПАН)⁷¹. Многие авторы словесно рисовали его портрет, приобретенный с конца 1930-х годов: облик дервиша с растрепанной бородой и горящими глазами. Подобное впечатление он произвел и в 1951 г. на тунисского политика Слимана Бен Слимана, который пишет, что с изумлением увидел в городе Алжир этого человека «с большой бородой, смахивающего на современного марабута, поскольку на голове у него был тарбуш (феска. – *Авт.*)»⁷².

⁷¹ Используют также французскую аббревиатуру РРА/ППА.

⁷² *Ben Sliman S. Souvenirs politiques. Tunis: Éditions Cérès. 1989, p. 319.*

Фотопортрет Мессали Хаджа [https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/ 1/14/La_presse_Tunisie_1956_14.jpg](https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/14/La_presse_Tunisie_1956_14.jpg) https://commons.wikimedia.org/wiki/File:La_presse_Tunisie_1956_14.jpg

В ранний период своего существования САЗ выпускала газету «L'Ikdam de Paris» (октябрь 1926 – январь 1927 г.), которая вышла тремя номерами по 8 тыс. экземпляров каждый и была запрещена, а затем издавалась под названиями «L'Ikdam Nord-Africaine» (май – сентябрь 1927 г.) и «L'Ikdam de l'Etoile Nord-Africaine» (декабрь 1927 – май 1928 г.). Выпуск газеты был нерегулярным, последний тираж составил 500 экземпляров.

Подвергнутая запрету в 1929 г., САЗ продолжала действовать нелегально и была восстановлена в 1932 г. под названием «Славная Североафриканская звезда». 28 мая 1933 г. она провела в Париже общее собрание, его организаторами были Мессали Хадж, коммунист Имаш

Амар и Раджеф Белькасем. Они прибегали к услугам таксистов-алжирцев в качестве связных. Собрание приняло новую программу, заявив о независимости САЗ от какой-либо политической идеологии, хотя эта организация в новом формате еще довольно долго продолжала пользоваться материальной помощью ФКП и ее помещениями. В уставе, который был отпечатан и распространялся вместе с программой, было записано, что штаб-квартира САЗ находится в Париже, но «может быть перенесена в любую другую страну, если того потребует политическая необходимость». Основной задачей организации объявлялась борьба за полную независимость каждой из трех стран, Алжира, Туниса и Марокко, а также достижение единства Северной Африки. От пролетарско-коммунистической окраски ранней САЗ был унаследован вопрос об аграрной реформе, вошедший в программу 1933 г., однако общая тональность этого документа была сугубо националистической. Первая статья устава САЗ определяла ее как ассоциацию всех мусульман Магриба, что заведомо придавало ей конфессиональный характер⁷³.

⁷³ *Hamed-Touati M.* Immigration maghrébine et activités politiques en France. Tunis: Univ. de Tunis. 1994, P. 219–221.

3.2. Празднование столетия «Французского Алжира»

Юбилейные торжества в Алжире состоялись в июне 1930 г. и включали различные официальные церемонии, съезды офицеров запаса, медиков и пожарных, поэтические вечера, концерты, банкеты и т. п. Внешне они прошли гладко, без видимого сопротивления со стороны алжирцев⁷⁴. Однако они разбудили их чувство униженного достоинства и, как следствие, стимулировали появление национальных организаций партийного типа. Это прежде всего Ассоциация улемов-реформаторов, девиз которой «Алжир – моя родина, ислам – моя религия, арабский язык – мой язык», возможно, принадлежал изгнанному из Туниса алжирцу Ахмеду Тауфику аль-Мадани (1899–1983), бывшему члену руководства партии Дустур (Конституция)⁷⁵. Основанная 5 мая 1931 г., Ассоциация улемов-реформаторов ратовала против социальных пороков, за «очищение» ислама от суеверий простонародья и мистицизма суфийских братств.

Она выступала также против официальных служителей ислама, считая их наймитами колониализма, и повлияла на многих ранее политически инертных алжирцев. Лидеры ассоциации печатали патриотические и теологические статьи на страницах журнала «*Аш-Шихаб*» (тираж 2 тыс. экземпляров), еженедельника «*Аль-Ислах*» (3 тыс. экземпляров) и ежедневной газеты «*Аль-Магриб*» (2,5 тыс. экземпляров) и выпускали еще десяток периодических изданий⁷⁶.

В начале 1930-х годов заметным явлением на алжирском политическом небосклоне становится Федерация туземных избранников (ФТИ), основанная такими «*évolués*», как выходец из многолетней крестьянской семьи⁷⁷, выпускник факультета фармакологии Алжирского университета Фархат Аббас (1889–1985) и Мухаммед Бен Джаллул.

Это были 150 представителей алжирского населения в Финансовых делегациях, генеральных и муниципальных советах. ФТИ выступала за ассимиляцию алжирцев французами, требуя равных прав для тех и других, и находила отклик среди по-европейски образованных алжирцев, которые объединились в 110 культурно-просветительских, спортивных и других ассоциациях, возникших в 24 городах страны⁷⁸. Ассимиляцию они рассматривали как «победу над колонизацией»⁷⁹. Наиболее прочные позиции ФТИ завоевала в Кабилии, так как ее интеллектуальная элита тяготела к европейской культуре, а простой кабил лучше знал французский язык, чем «средний алжирец».

⁷⁴ Алжирцы, если и выражали свое недовольство, то пассивно – оставаясь дома. Зато властям удавалось выводить на улицу то маленьких школьников-кабилов, которые приветствовали разъезжавшего по стране президента Французской Республики, то толпу статистов, молча взиравших 14 июня в гавани Сиди Ферруш на венец праздников – установку мемориальной стелы в честь совершенной здесь сто лет назад высадки французской армии. Из кожи вон лезли, стараясь показать свою лояльность, сельские старосты, каиды и другие провинциальные начальники-алжирцы. Всех превзошел *баишага* местечка Сиди Окба, воскликнув: «Если бы в 1830 г. арабы уже знали французов, то зарядили бы ружья цветами!» Свой голос против юбилейных торжеств подняла в Алжире только французская оппозиционная пресса, которая указывала на их высокую стоимость, 493 млн франков, и высмеивала подобострастных *баишага*, большинство из которых, несмотря на их громкое (в прошлом воинское) звание, были ничтожными личностями, один – вчерашним торговцем куриными яйцами (*Berque J. Le Maghreb entre deux guerres... P. 233–234*).

⁷⁵ Полное название – Либерально-конституционная партия. (Подробнее см.: *Видясова М.Ф. Тунис. Маршрут в XXI век. С. 52–59*).

⁷⁶ *Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. С. 65*.

⁷⁷ Глава этой семьи получил, однако, пост башага и местного каида (*Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Vol. 2. Tunis: Sérès. 2001 (переиздание), p. 416*).

⁷⁸ *Berque J. Le Maghreb entre deux guerres. P. 312*.

⁷⁹ *Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. С. 63*.

Фотопортрет Фархата Аббаса https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/60/Ferhat_Abbas_-_algerischer_Staatspr%C3%A4sident.jpg [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ferhat Abbas_-_algerischer_Staatspr%C3%A4sident.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Ferhat_Abbas_-_algerischer_Staatspr%C3%A4sident.jpg)

Сéтиф, где жил по окончании университета в 1933 г. Фархат Аббас, представлял собой скорее горное селение, чем город⁸⁰. Там он содержал аптеку, в 1935 г. был избран членом муниципалитета и сотрудничал в еженедельнике «L'Entente franco-musulmane» («Франко-мусульманское согласие»), став через два года его главным редактором.

⁸⁰ Его предшественником был римский Sitifis, населенный нумидийцами. В 97 г. император Нерва поселил в нем своих ветеранов. По данным на 2013 г., он насчитывал 324 тыс. жителей. Но первая трамвайная линия была проложена в нем только в 2018 г.

3.3. Алжир под тенью фашизма: 1933–1939 годы

В эти тревожные годы Алжир стал форпостом распространения нацистско-фашистской пропаганды в Магрибе. Так, в августе 1933 г. в нескольких алжирских городах прошли демонстрации под лозунгом «Да здравствует Гитлер! Долой Францию!». Такое повторялось и в два следующих года⁸¹.

Одновременно «Звезда» начала проникновение в Алжир, где стала массово распространять свою литературу и организовала ряд выступлений против французских колонистов; в 1934 г. была снова запрещена. Мессали Хадж осенью того же года был арестован, в июне 1935 г. выпущен по амнистии, а затем бежал в Швейцарию, под крыло Шакиба Арслана.

Однако его организация не распалась, ее прикрытием служил «Национальный союз североафриканских мусульман». В сентябре 1935 г. она насчитывала 2,5 тыс. активистов (против 1 тыс. человек годом раньше) и сотрудничала с левыми силами. Об этом свидетельствует собрание 27 июня 1935 г., организованное французской Антиимпериалистической лигой. На нем выступали Анри Барбюс, Ф. Журден и Мессали Хадж, протестуя против декрета министерства внутренних дел, изданного в апреле того года и запрещающего «всякие беспорядки и манифестации против французского суверенитета». Этот декрет был признан участниками собрания как мера, направленная на угнетение колониальных народов и как покушение на свободу французского пролетариата. 3 тыс. выходцев из Магриба во главе с Мессали Хаджем явились 14 июля 1935 г. на знаменитый митинг левых партий на площади Бастилии (прелюдия образования французского Народного фронта)⁸².

Летом 1936 г. САЗ вышла из подполья, вернув себе прежнее название, и получила представительство в центральном комитете Народного фронта. 26 января 1937 г. была распущена декретом министра внутренних дел, опиравшимся на закон «О милиции», воспрещавший партиям или общественным ассоциациям иметь при себе полувоенные формирования⁸³. И в том же году на основе САЗ была образована Партия алжирского народа (ПАН), которая сформулировала идею создания Алжирской республики со своим парламентом и статусом доминиона.

Учредительный съезд ПАН состоялся во французском г. Нантер, но вскоре ее новоизбранный председатель Мессали Хадж объявился в Алжире, где и развернул свою деятельность. В это время его духовным наставником становится Жак Дорио, один из «акушеров» САЗ, проделавший путь от члена ЦК ФКП, ведавшего колониальными вопросами, до основателя профашистской Французской народной партии (ФНП). Она была основана в 1936 г., но Дорио рассорился с коммунистами двумя годами раньше и еще до создания ФНП стал получать немецкие деньги⁸⁴.

Еще в начале 1934 г. фашистские лиги Франции, не имевшие общего руководства, часто соперничали друг с другом и могли показаться простому обывателю лишь слоняющимися по улицам, скверам и бульварам шалопоями; впервые они дружно заявили о себе 6 февраля того года. Они совершили «поход на Бурбонский дворец» (здание парламента), собравшись в количестве около 30 тыс. человек, но были остановлены огнем на площади Согласия, потеряв несколько человек убитыми. Событие произошло в тот самый день, когда новый премьер Даладьё получил вотум доверия под крики с улицы: «Долой воров!», «Депутатов в Сену!».

⁸¹ Ланда Р.Г. История Алжира. XX век... С. 64.

⁸² *Named-Touati M.* Immigration maghrébine et activités politiques en France. Tunis: Univ. de Tunis. 1994, p. 251. Напомним, что в Народный фронт вошли коммунисты, социалисты, партия радикалов, представители Лиги прав человека и др.

⁸³ Закон был направлен главным образом против фашистских лиг (История Франции. Т. 3. М.: Наука. 1973, с. 172).

⁸⁴ *Верт А.* Франция 1940–1955. Сокр. пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959. С. 133–135. (Добавим, что 6 января 1945 г. Дорио учредил «Комитет освобождения Франции», 22 февраля погиб при авианалете).

Встревоженные попыткой фашистского мятежа, тысячи парижан вышли на демонстрации. Но не прошло и суток, как правительство подало в отставку.

Волна антифашистских манифестаций прокатилась по всем крупным городам страны и увенчалась генеральной забастовкой, объявленной 12 февраля профсоюзами. В эти дни широко известным стало имя графа де Ла Рока, выдвинувшегося в лидеры одной из самых крупных фашистских лиг «Огненные кресты». Она возникла в 1927 г. как военизированная организация бывших фронтовиков, ее борьба против республиканских институтов и монархические лозунги не встречали активной поддержки в стране, разве что со стороны представителей крупного бизнеса (промышленных магнатов Коти и Мерсье), которых не смущало то, что соратники графа-полковника разливались в филиппиках против богачей и коррупционеров⁸⁵.

Потерпев провал во Франции, «Огненные кресты» направили острие своей деятельности в Алжир, где нашли благодатную почву для нее среди изрядной части европейских поселенцев и пытались проникнуть в Тунис.

Между тем с октября 1930 г. центральным печатным органом САЗ являлась франкоязычная газета «El Oumma» («Нация»), резко увеличившая свой тираж в 1932–1934 гг. (с 12 тыс. до 40–44 тыс. экземпляров). В 1937 г. она выходила как орган ПАН и была запрещена осенью того же года.

Уместно сказать, что в 1936 г. сенатор Морис Виолетт, бывший генерал-губернатор Алжира, предложил дополнительно снять ограничения на натурализацию алжирцев, которая доселе распространялась на ветеранов Первой мировой войны, а также на «туземных избранных», но все равно оставалась бы выборочной. Этот проект, поддержанный главой правительства Народного фронта Леоном Блюмом и получивший название «План Блюма-Виолетта», не был реализован, ибо встретил отрицательную реакцию как со стороны твердолобых колониалистов, так и со стороны представителей радикального крыла алжирского национализма: Ассоциации «улемов-реформаторов» и Партии алжирского народа (ПАН). Напомним, что ее основатель Мессали Хадж был арестован в 1937 г. Сначала узник мрачной алжирской тюрьмы «Форт-Барбаросса», потом ссыльный, он не стал сотрудничать с немцами ни во время Второй мировой войны, ни в ее преддверии, но часть членов его партии, возможно, это делала.

В 1947 г. из Партии алжирского народа вышла группа Имара Амаша (бывшего генсека САЗ), которая принялась разоблачать Мессали Хаджа как «нового идола». В ответ он изобразил Амара Имаша и его друзей «пронацистами» (некоторые из них, действительно, в 1940–1943 гг. рассчитывали на помощь Германии)⁸⁶.

⁸⁵ История Франции. Т. 3. М.: Наука. 1973, с. 151–153.

⁸⁶ Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. С. 101.

Глава 4

Алжир во время Второй мировой войны и в 1945–1954 годы

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. Вторая мировая война привела, как известно, к капитуляции Франции. 14 июня 1940 г. немцы вступили в Париж, и в тот же день «министерский караван», т. е. кортеж правительственных машин, прибыл в Бордо. Наконец, 21 июня в Компьенском лесу под Парижем французская и немецкая делегации подписали договор о перемирии, согласно которому 2/3 территории Франции подлежали оккупации, остальная треть со столицей в курортном городке Виши оставалась формально независимой, а на самом деле была превращена в протекторат Германии. Вишистское правительство во главе с маршалом Петэном сохранило в колониальных владениях Франции ограниченный воинский контингент и корабли, пришвартованные в таких крупных портах, как сенегальский Дакар, алжирский Мерс-эль-Кебир⁸⁷ и тунисская Бизерта.

⁸⁷ 3-6 июля 1940 г. эта часть флота была уничтожена англичанами, которые опасались, что порт и корабли попадут в руки немцев.

4.1. Алжир под властью Виши

В алжирском концлагере Ламбез и столичной тюрьме «Квадратный дом» томились сотни коммунистов, арестованных во Франции или в Алжире; несладко пришлось и алжирским евреям, лишенным французского гражданства и в одночасье ставшим апатридами⁸⁸. Жесткие репрессии обрушились на ПАН. 4 октября 1939 г. Ахмед Мессали Хадж и 28 его сподвижников оказались в тюрьме, а в конце того года были произведены массовые аресты активистов партии. Между тем Фархат Аббас и Мухаммед Бен Джаллул объявили о роспуске своей партии, а сами записались во французскую армию. Улемы-реформаторы замолчали.

⁸⁸ Одним из первых нововведений правительства Виши стала отмена 7 октября 1940 г. «декрета Кремье» и его замена «законом Пейрутона», который приравнивал североафриканских евреев к мусульманам. Между тем евреи, которых усердно преследовала вишистская полиция, составляли во Франции около 0,7 % населения, а в Алжире – 14 %, и там они стали самой уязвимой категорией «туземцев». (*Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Vol. 2, p. 407*).

4.2. Высадка союзников в Северной Африке

Перелом наступил в ночь с 7 на 8 ноября 1942 г., когда союзники совершили высадку в Северной Африке, названную операцией «Торч» («Факел»). Позывным для англо-американских кораблей служил сигнал «Роберт прибывает!», «Прибывает Роберт!». Имелся в виду Роберт Мэрфи, глава американской агентурной сети в Северной Африке, формально являвшийся генконсулом США в Алжире. Американские корабли шли напрямую, через Атлантический океан к марокканскому городу Касабланка⁸⁹, английские – через пролив Гибралтар к городам Оран и Алжир. К английскому десанту присоединился небольшой отряд кораблей «Свободной Франции» под командованием генерала Анри Оноре Жиро. Однако операция «Торч» не стала молниеносной, так как 9 ноября возле столицы Туниса высадился немецкий воздушный десант, и таким образом открылся на полгода тунисский фронт⁹⁰. И лишь весной 1943 г. союзники смогли повернуть оружие на север, за Средиземное море.

Эйзенхауэр, чья ставка находилась в г. Алжир, «возглавлял войска, растянувшиеся почти на 2 тыс. километров от Касабланки. до фронта в Тунисе. Верные до этого правительству Виши французские колонии в Северной Африке, которые не затронула война, так как они были отделены Средиземным морем от Франции, теперь были ввергнуты в политический хаос вследствие вторжения союзных войск. Интриги Виши, волнения среди арабов и враждебность французов к англичанам – все это поставило перед союзниками ряд острых проблем, которые могли вызвать осложнения. В этом политическом хаосе Эйзенхауэр был для одних освободителем, а для других – захватчиком»⁹¹. Так писал Омар Нельсон Брэдли, помощник Эйзенхауэра в начале 1943 г.

В Алжире репрессии приостановились, но обострились и противоречия между США и Францией в лице де Голля. Ведь его о готовящейся операции «Торч» даже не предупредили.

Следует остановиться на личности уже упомянутого генерала Жиро. Как известно, англо-американские союзники, ревниво относившиеся к растущему авторитету главы Французского национального комитета (ФНК) в Лондоне, де-юре признанного 3 июля 1942 г. английским правительством, выбрали именно Жиро, а не де Голля в качестве координатора действий французских соединений в ходе операции «Торч».

Анри-Оноре Жиро (1879–1949) – боевой генерал, уроженец Парижа и выпускник Сен-Сира, начал военную карьеру с 1900 г. младшим лейтенантом полка зуавов в Бизерте; участник Первой мировой войны и кампании в Рифе в Марокко снискал славу «бесшабашного смельчака». С января 1939 г. – член Высшего военного совета Франции, затем – командующий 7-й армией на линии Мажино и в Бельгии, совершивший отчаянно смелый побег из немецкого плена: крепость Кёнингштейн, сплетенная за долгие месяцы веревочная лестница, спуск по стене и ночные дороги, 100 тыс. марок, обещанных за его голову, и расстрел всякому, кто его укроет. Он слыл патриотом и, по словам одного военного историка, олицетворял собой идеальный образ французского генерала «от дубовых листьев [на кепи] до усов», но отклонил все приглашения де Голля перейти на его сторону.

⁸⁹ О том, что бои там были нелегкими, свидетельствует рассказ Мэтью Риджуэя, будущего командующего (после войны) вооруженными силами США в районе Средиземного моря. Тогдашний командир дивизии ВДВ, он впервые увидел Касабланку через несколько месяцев после высадки там американского флота, и вот что он пишет: «В гавани до сих пор виднелись ржавящие корпуса потопленных судов. Большие армейские грузовики, автомобили без двигателей, запряженные лошадьми, и повозки, запряженные ослими, машины, работающие на древесном угле. и, наконец, велосипеды – это смешение всех видов транспорта ошеломило нас». (*Риджуэй М.* Солдат. Пер. с англ. М.: Воен. изд-во Министерства обороны Союза ССР. 1958, С. 81).

⁹⁰ О нем см.: *Видясова М.Ф.* Тунис. Маршрут в XXI век. С. 213–259.

⁹¹ *Брэдли О.* Записки солдата. Пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. С. 37.

Из средневековой немецкой крепости на р. Эльба, где он провел в заточении почти два года, Жиро бежал 17 апреля 1942 г., в день рождения Гитлера, воспользовавшись гулянкой охраны. С фальшивыми документами добрался до Эльзаса, оттуда в Швейцарию и вскоре объявился в Виши, где Лаваль и Дарлан⁹² ни много ни мало уговаривали его вернуться в плен. Наличие этих документов подсказывало, что его побег, обросший легендами, был совершен не без помощи французского «2-ого бюро» (военная разведка), которое стало в то время «государством в государстве» и имело свои каналы взаимодействия с британской разведкой. В той же крепости с 1940 г. находились многие высшие французские офицеры, захваченные в Бельгии, большая группа из них была отпущена в 1941 г., когда Дарлан вел переговоры о так называемых Парижских протоколах, предполагавших крупные уступки Гитлеру в обмен на немецкие уступки; в частности, на освобождение военнопленных. Протоколы не были утверждены, но определенная категория военачальников получила свободу. Жиро в нее не попал.

Вырвавшись из плена, он поселился в уединенном месте на юге Франции, дав маршалу Петэну письменное заверение в своей лояльности ему и желании отдохнуть в тиши. Слегка его обманул, тайно поддерживая связь с небольшой «группой пяти» в Алжире, которую, в свою очередь, держал в поле зрения Роберт Мэрфи. Когда американские агенты связались с Жиро, чтобы вовлечь его в свой замысел, он поставил два условия: а) чтобы была предпринята одновременная высадка в Северной Африке и Южной Франции, а также в других странах Европы; б) чтобы ему было поручено общее командование объединенными французскими и американскими вооруженными силами. В итоге ушел на подводной лодке и только на скале Гибралтар с огорчением узнал, что командовать будет Эйзенхауэр.

В английской крепости его окружили высшие американские военачальники. Почти всю ночь с 7 на 8 ноября, которая была темна кромешной тьмой и поэтому задержала высадку до рассвета, они уламывали Жиро смириться с тем, что его не ждет роль Бонапарта, высадившегося с о-ва Эльба, или хотя бы маршала Фоша, закончившего войну 1914–1918 гг. Верховным главнокомандующим Антанты. Когда занялась заря и времени на пререкания уже не оставалось, он согласился стать «губернатором североафриканских провинций и главнокомандующим французскими силами в этом регионе». Переброшенный лишь к вечеру в Алжир, куда он добирался снова подводной лодкой, а затем самолетом, попавшим в бурю, генерал Жиро встретился с новой неприятностью в лице Дарлана, с которым пришлось разделить власть⁹³. Экс-адмиралу досталась гражданская, а генералу армии – военная и переданы в подчинение французские войска, находившиеся в Северо-Западной и Западной Африке, требовавшие перевооружения и реорганизации. В эти задачи он и погрузился. Но выстрелы, раздавшиеся под Рождество, когда пробил час Дарлана, опять все изменили⁹⁴.

⁹² Он родился на юге Франции, окончил мореходное училище, во время Первой мировой войны служил в палубной артиллерии, с 1926 г. занимал высокий пост в морском министерстве, с 1939 г. – адмирал, с 20 июня 1940 г. – член кабинета министров маршала Ф. Петэна, с декабря того же года – глава нескольких министерств, считавшийся политическим наследником 86-летнего маршала. Яростный противник англичан «еще с Трафальгарского сражения, в котором погиб его прадед» (*Churchill W The Second World War. Victory in Africa. London: Cassell. 1972, p. 211*).

⁹³ По завершении своей инспекционной поездки в Алжир Дарлан удалился было в Виши, но 5 ноября неожиданно вернулся из-за болезни проживавшего в Алжире взрослого сына, госпитализированного с подозрением на полиомиелит. Это сорвало надежду Мэрфи на то, что высадка десанта союзников здесь пройдет без осложнений. Ведь он уже обзавелся группой французских офицеров, готовых поддержать этот десант. Пришлось уговаривать Дарлана. Обыкновенный плут или слуга нечистой силы, тот почувал в ночь с 7 на 8 ноября, что идет англо-американская армада, и решил подороже себя продать: юлил перед Мэрфи, говорил, что ему надо связаться с Виши и, наконец, под утро согласился. Однако он уже успел распорядиться об аресте генерала Маста – командира оборонявшей город Алжир пехотной дивизии, который пустился в бег. Поэтому береговые батареи открыли огонь по приближавшимся английским судам. Бой закончился только к вечеру.

⁹⁴ 24 декабря 1942 г. его сразили два выстрела из пистолета. Убийца -20-летний студент-француз – был расстрелян на рассвете 26 декабря решением наспех созданного французского военного трибунала, заседавшего при закрытых дверях. Поспешность казни студента и отсутствие документов трибунала породили массу домыслов относительно того, был ли поступок студента его личным решением или результатом какого-то заговора.

Генерал Жиро был назначен «гражданским и военным главнокомандующим» в Африке, получив вместе с этим странным титулом и слитную власть, вроде той, какой был облечен византийский экзарх (наместник императора в Равенне или в провинции Африка накануне арабского нашествия).

4.3. Конференция союзников в Касабланке

Тем временем между Лондоном и Вашингтоном готовился компромисс, и в январе 1943 г. – на конференции союзников в Касабланке – Жиро и де Голля заставили пожать друг другу руки. Вернувшись в Лондон с этой малоприятной для него встречи, последний рассказывал советскому послу: «Жиро считает Пейрутона, Буассона⁹⁵ и Ногеса⁹⁶ прекрасными людьми и не мешает Ногесу иметь шифросвязь с Петэном через своего представителя в Испании». В беседе с Жиро по ходу той же поездки в Касабланку генерал де Голль, – пишет с его слов А.Е. Богомолов, – «изложил свое мнение о форме объединения французских антигитлеровских сил. В ответ на это Жиро предложил повторить еще раз историю консульства во французской империи и предложил себя в качестве первого консула Франции. Де Голль сказал ему, что первый консул получил свое звание в свое время через плебисцит и что французским народом дано ему это звание за победы, которые он доставил Франции. За Жиро нет ни французского народа, ни побед»⁹⁷. В записи беседы С.А. Лозовского, заместителя народного комиссара иностранных дел СССР, состоявшейся у него 8 марта 1943 г. со Шмитлейном, заместителем представителя Французского национального комитета (ФНК) в СССР, читаем: «На мой вопрос, что представлял собою в прошлом генерал Жиро, Шмитлейн ответил, что Жиро много лет провел в армии в Марокко. Это один из лучших и храбрых французских офицеров. Что же касается его политического лица, то еще в 1938 г. Даладьё сказал о нем: «Это – фашист»»⁹⁸. Возможно, сотрудник миссии ФНК в сердцах преувеличивал, сославшись при этом на бывшего премьера Даладьё⁹⁹. Сам же де Голль считал, что Жиро «безусловно хочет вести французские войска в бой с немцами, но политически он реакционен и беспомощен. Окружение Жиро – это фашиствующие элементы из кругов Петэна и 30 тыс. богатых колонистов Алжира» (из телеграммы А.Е. Богомолова¹⁰⁰ в НКВД от 29 января 1943 г.)¹⁰¹.

⁹⁵ Генерал-губернатор Западной Африки.

⁹⁶ Шарль Огюст Поль Ногес был в момент высадки союзников французским генеральным резидентом в Марокко и 48 часов держал оборону против американцев.

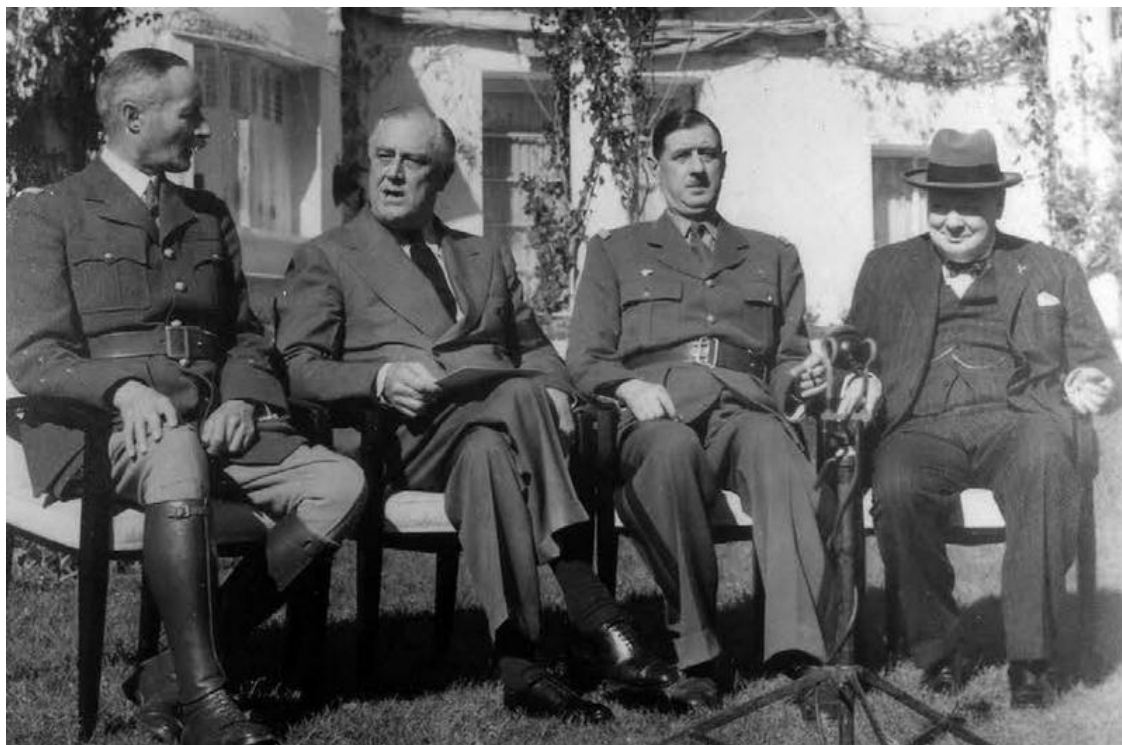
⁹⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы в двух томах. (Министерство иностранных дел СССР). Т. 1. М.: Политиздат, 1983. С. 145.

⁹⁸ Советско-французские отношения. С. 155.

⁹⁹ Даладьё подписал 29 сентября 1938 г. Мюнхенское соглашение.

¹⁰⁰ Аккредитован при союзных правительствах в Лондоне.

¹⁰¹ Советско-французские отношения. С. 399.

На конференции союзников в Касабланке: генерал Жиро, Франклин Рузвельт, генерал де Голь, Уинстон Черчилль (слева направо). <https://2k8r3p1401as2e1q7k14dguu-wpengine.netdna-ssl.com/wp-content/uploads/2018/08/wertheim.jpg>

4.4. Французский комитет национального освобождения в Алжире

Как бы то ни было, генерал Жиро, чьи достоинства военного специалиста никто не отрицал, все еще продолжал воображать себя Наполеоном и правил как мог в Алжире, а с 3 июня 1943 г. – после приезда сюда де Голля – становится сопредседателем новообразованного Французского комитета национального освобождения (ФКНО), оставив за собой командование Африканской французской армией. Ее готовили к участию в дальнейших военных действиях и срочно мобилизовали не только французов, которые и сами катились на призывные пункты, захватывая по дороге случайные грузовики, но и арабов, берберов и чернокожих жителей французских колоний¹⁰². И как ни «коротка была шпага Франции в тот момент, когда союзники ринулись на штурм Европы!», и как ни ограничены были при «столь серьезных обстоятельствах» вооруженные силы Франции, «еще никогда ее армия не обладала такими высокими качествами. Возрождение ее было тем более замечательно, что она поднялась из бездны унижения»¹⁰³. При этом, надо заметить, первая крупная экспедиция, направленная французами в Италию, называлась 2-й Марокканской дивизией и в основном состояла из мусульман.

Двоевластие в ФКНО закончилось осенью 1943 г., когда соперничество между Жиро и де Голлем решилось в пользу последнего. Отважный, но малообразованный дуумвир будущего президента Франции, сам признававшийся, что «никогда не читал газет и не слушал радио», занялся чисто армейскими делами, а с апреля 1944 г. ушел в запас. Те, кому приходилось иметь с ним дело в Алжире, называли старого солдата «в политическом отношении ребенком». Без лишних экивоков высказался о широте его кругозора французский финансист Жан Моннэ, прибывший в Алжир из США с рекомендацией Рузвельта и написавший программную речь, которую Жиро произнес 14 марта 1943 г., заявив о своем намерении осуществить в Северной Африке «республиканскую реформу, основанную на свободном волеизъявлении народа», распахнуть тюрьмы и т. д. Эту речь высоко оценили Лондон и Вашингтон, назвав ее содержание «принципами Жиро». 18 марта он издал приказы, во многом отменяющие законодательство Виши. Между тем его спичрайтер в беседе с Мэрфи дал «экзарху» следующую характеристику: «Когда генерал смотрит на вас своими глазами фарфорового кота, он не понимает ровным счетом ничего»¹⁰⁴.

Да и о торжестве гражданских свобод при Жиро говорить не приходится. Как сообщал Роже Гарро (представитель ФНК в СССР), к середине января 1943 г. в Северной Африке насчитывалось более 50 тыс. арестованных, «среди которых преобладают французы. В числе арестованных имеются, кроме того, [бывшие] члены интернациональных бригад в Испании, поляки, испанские республиканцы и т. д. Несмотря на заверения Рузвельта... арестованные до сих пор не освобождены. На днях генерал Жиро был вынужден заявить, что в настоящее время лишь составляются и проверяются списки арестованных. Более того, после убийства Дарлана в целях «обеспечения порядка» были произведены многочисленные аресты сторонников де Голля»¹⁰⁵. Не торопился Жиро и с ликвидацией вишистских установлений. По рекомендации уже покойного Дарлана¹⁰⁶ он назначил 17 января 1943 г. генерал-губернатором Алжира Марселя Пей-

¹⁰² Всего набралось для экспедиции вместе с экипажами авиации и восстановленного флота свыше 300 тыс. человек, кроме оставшихся на месте 150 тыс. пехотинцев в доукомплектованных охранных войсках и двух резервных бригад, подготовленных на случай их переброски в Индокитай (*Де Голль Ш.* Военные мемуары. Том 2. Единство 1942–1944 годы. Пер. с франц. М.: Изд-во иностр. лит-ры. 1960, С. 291).

¹⁰³ Там же. С. 286.

¹⁰⁴ Цит. по: *Севостьянов Г.Н., Уткин А.И.* США и Франция в годы войны 1939–1945. М.: Наука, 1974. С. 193.

¹⁰⁵ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1, с. 139.

¹⁰⁶ По другим сведениям, это был Мэрфи. Но все телеграммы из Северной Африки шли за подписью Эйзенхауэра.

рутона – автора расистских законов Виши. До возвращения к своему ремеслу колониального администратора Сатрап (как его прозвали в Тунисе 1930-х годов)¹⁰⁷ побывал послом в Бразилии и Аргентине, а еще раньше, с сентября 1940 по февраль 1941 г., занимал в кабинете Виши должность министра внутренних дел.

В этот период петэновское правительство, объявившее себя правительством «национальной революции», приняло серию реакционных постановлений, в том числе антисемитские декреты. Так называемый закон Пейрутона от 7 октября 1940 г., подписанный Петэном, имел прямое отношение к Северной Африке: алжирские евреи, напомним, автоматически получившие натурализацию в 1870 г. (по «закону Кремье»), были поголовно лишены французского гражданства. Следствием этого явились погромы в Константине и других алжирских городах. Вишистские чиновники усердствовали в разжигании конфликтов на почве юдофобии. Генерал Жиро специальным ордонансом от 18 марта 1943 г. подтвердил отмену «закона Кремье». Насколько он был самостоятелен в этом, как и в других своих решениях, сказать трудно. Его «министром внутренних дел» был Пейрутон, который занимал пост генерал-губернатора Алжира до 31 мая 1943 г.

Переехав из Лондона в Алжир, де Голль первым делом устранил Сатрапа, да и вообще в стране, вроде бы, повеяло воздухом свободы.

Портрет генерала Жоржа Катру https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a/ac/Georges_Catroux_1940.jpg https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Georges_Catroux_1940.jpg

Фархат Аббас, вернувшийся на родину по демобилизации в 1940 г., обратился вместе с Мухаммедом Бен Джаллулом и их сподвижниками двумя письмами от 20 и 22 декабря 1942 г. к новым властям Алжира, включая союзное командование, с предложением провести демо-

(Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958. С. 328–329).

¹⁰⁷ Видясова М.Ф. Тунис. Маршрут в XXI век. С. 98–126.

кратические реформы («Послание мусульманских представителей»). 31 марта 1943 г. они распространяют «Манифест алжирского народа» с изложением своих взглядов. 26 мая того же года вручают исполняющему обязанности (с июня 1943 г.)¹⁰⁸ генерал-губернатора Алжира Жоржу Катру¹⁰⁹ «Дополнение к Манифесту», или «Проект реформ»¹¹⁰, предлагавший самоопределение Алжира, освобождение всех политзаключенных, а после войны – проведение всеобщих выборов в Учредительное собрание, которое разработает конституцию автономного Алжира. Генерал Катру создал комиссию по изучению «Проекта реформ», который был удовлетворен лишь частично. Так, политзаключенные вышли на волю, свободно стала действовать АКП, которая взаимодействовала с ФКП, благо ее членов было много на территории Алжира (собственно, только там они и находились легально вплоть до освобождения Франции из-под немецкой оккупации).

Седьмого марта 1944 г. ФКНО издал ордонанс, который давал французское гражданство представителям алжирской элиты, имевшим заслуги перед Францией, а всему населению страны – право избирать 40 % муниципальных и генеральных советников. Большинство сторонников Фархата Аббаса согласилось с этой куцей реформой, но не он сам. Через неделю после издания ордонанса он создал ассоциацию «Друзья манифеста и свободы», а с 15 сентября 1944 г. выпускал газету «Egalité» («Равенство»).

Ассоциация «Друзья манифеста и свободы» привлекла к себе «улемов-реформаторов» и членов Партии алжирского народа, требовала создания федерации автономного Алжира с «обновленной антиколониалистской Францией. Однако усиление радикального молодежного крыла в Партии алжирского народа привело к появлению антифранцузских лозунгов, против которых возражал Аббас, и вызвало раскол внутри новорожденной ассоциации. Резко выступил против пресловутого ордонанса глава «улемов-реформаторов» Башир аль-Ибрахими, назвав его «шагом к ассимиляции, который народ не примет никакой ценой»¹¹¹.

Между тем позиция почти всех французов, даже самых «либеральных» по отношению к тунисским, марокканским или алжирским патриотам, состояла в том, что пока не время думать о реформах: «нам надо еще защитить империю»¹¹². Де Голль выразил эту мысль с присущей ему яркостью речи: «Именно здесь, в Северной Африке, занялась заря французского обновления, именно Северная Африка стала для Франции средоточием ее сил и неиссякаемых надежд. Здесь возрождаются ее свободы. Здесь находится ее правительство, созданное для руководства войной. Здесь комплектуются первые части ее будущих армий». Так говорил он, выступая на

¹⁰⁸ Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Vol. 2. P. 440.

¹⁰⁹ Жорж Катру (1877–1969) родился в Лиможе, в семье кадрового офицера, окончил общеобразовательное училище Сен-Сир. В Первую мировую служил командиром батальона алжирских стрелков. 5 октября 1915 г. был ранен и попал в немецкий плен, где познакомился с капитаном Шарлем де Голлем. Совершил три неудачные попытки побега из плена и был освобожден по окончании войны. Затем служил в составе французской военной миссии в Аравии, военным атташе в Стамбуле; участник Рифской войны. 29 января 1939 г. оставил военную службу и 20 августа того же года был назначен генерал-губернатором Индокитая. 25 июня 1940 г. снят с этого поста и в августе примкнул к движению «Свободная Франция» во главе с де Голлем. Находясь в Лондоне, провозгласил 8 июня 1941 г. независимость Сирии и Ливана. 25 июня вместе с союзными войсками, состоявшими из британских частей и батальона «Сражающейся Франции» прибыл на Ближний Восток, где стал Верховным комиссаром Леванта, т. е. Сирии и Ливана, настаивал на возвращении к формуле их договоров с Францией от 1936 г. (нерезализованных) и в марте 1943 г. дал согласие на восстановление их конституций, отмененных в 1939 г. 3 июня 1943 г. становится членом ФКНО, совместив две должности: и. о. генерал-губернатора Алжира и главы комиссариата по координации мусульманских дел. Столкнувшись с менталитетом здешней поселенческой колонии, поражен «духом консерватизма», который десятилетиями проявляют «имущие классы в наших владениях». (Catroux G. Dans la bataille de la Méditerranée. Paris: Juillard, 1949. P. 432). Тем не менее он заявил 23 июня 1943 г., что «единство Франции и Алжира – догма», и считал тогда предпочтительным в этой стране симбиоз французов и мусульман. Источники: Dictionnaire biographique français contemporain. Paris: Pharos. 1950, p. 125–126; Лауда Р.Г. Кризис колониального режима в Алжире 1931–1954. М.: Наука. 1980, с. 115; Черкасов П.П. Агония империи. М.: Наука. 1979, с. 33–35.

¹¹⁰ Манифест подписали 56 человек, «Проект реформ» – 22 человека.

¹¹¹ Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. P. 444.

¹¹² Слова генерала Масти, французского генерального резидента в Тунисе, произнесенные в беседе с лидером партии Новый Дустур Хабибом Бургибой, просившем о реформах в своей стране (август 1944 г.).

площади Де Ла Бреш города Константина 12 декабря 1943 г. Эта его речь стала знаменитой, ибо в ней прозвучали слова: «Здесь, в Северной Африке, все население щедро проявило свою преданность Франции, и это, не только глубоко волнует Францию, но уже теперь ко многому ее обязывает. Да, именно обязывает, и в частности по отношению к мусульманскому населению Северной Африки. По соглашению с верховными правителями Марокко и Туниса и в соответствии с заключенными с ними договорами Франция обеспечила этим странам такой путь развития, по которому надо следовать, с каждым днем привлекая все больше и больше сторонников из числа лучших представителей местного населения.»¹¹³.

Кто же они были с точки зрения де Голля и членов его окружения? Ордонансом от 17 сентября 1943 г. в Алжире учреждалась временная Консультативная ассамблея, на которую возлагалась задача «наиболее полно, насколько это позволяют существующие условия, выражать национальное общественное мнение». В нее вошли 52 представителя организаций Сопротивления, действовавших в метрополии и за ее пределами, 20 членов парламента бывшей Третьей республики, 12 представителей генеральных советов Алжира, в том числе Мухаммед Бен Джаллул (остальные – французы), а также дополнительные делегаты. Среди них пять от Алжира, три от Марокко и два делегата от Туниса¹¹⁴. Это крупный землевладелец и умеренный националист Тахар Бен Аммар и одиозный деятель правого крыла «колонистской партии» Казабьянка.

В августе 1944 г. Париж был освобожден, и в него переехало Временное правительство Франции (бывший ФКНО), а в Алжире 9 сентября Жорж Катру, который готовился к отъезду послом в Москву, был заменен на «полномочного посланника» Ива Шатеньо, сугубо гражданское лицо. Социалист, дипломированный историк, он часто бывал на Ближнем Востоке и, по словам Жюльена, симпатизировал мусульманам, имея среди них много личных друзей. Твердолобые колонисты увидели в нем угрозу и наградили его прозвищем Шатеньо Бен Мухаммед¹¹⁵.

¹¹³ Де Голль Ш. Военные мемуары. Т. 2. С. 653–654.

¹¹⁴ Там же, с. 641–643.

¹¹⁵ Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche... Vol. 2, p. 451–452.

4.5. Восстание в Кабилии 8 мая 1945 года

Однако ему было не суждено полностью проявить себя в качестве «либерального губернатора». Вторая мировая война закончилась в Алжире трагическим эпизодом, так называемой Сетифской резней. 8 мая 1945 г., когда почти весь мир праздновал День Победы, в Сётифе вспыхнули беспорядки, тотчас охватившие соседние деревни. Первоначально столкновения мусульман с европейцами унесли почти сто человеческих жизней, но в ходе широкой карательной операции погибли 6–8 тыс. человек. (Официальные данные). Приводились и более высокие цифры, ибо восстание длилось до конца мая и в той или иной мере охватило все департаменты Алжира.

События развивались следующим образом. 8 мая местные власти разрешили мусульманам Сётифа провести демонстрацию, но те вместо ожидаемых лозунгов во славу победы над гитлеризмом вооружились плакатами с надписями: «Да здравствует независимый Алжир!», «Долой колониализм!», «Свободу Мессали!», а иногда и «Долой компартию!». Полицейские пытались вырвать из рук демонстрантов эти плакаты, а один из них сделал выстрел. Большая часть толпы разбежалась, но самые упорные вступили в схватку с полицией, потом беспорядочно ринулись на улицы города, убивая или калеча ножами, топорами и тому подобными предметами случайных прохожих-европейцев. Так лишился обеих рук секретарь городской коммунистической ячейки. Убитых же в тот день было 27–29 человек. Но стоило спуститься ночи, как в город и его окрестности стеклись разбойные банды, объявившие обманном путем, что в городе Алжир уже воцарилось «арабское правительство». Нападая в основном на публичные здания и убивая чиновников, они не гнушались грабежом и насилием над женщинами. В итоге число убитых достигло 98, раненых – 150¹¹⁶.

Ответ центральных властей Алжира был жестоким и безжалостным. Хотя не более 5 % мусульманского населения департамента Константина приняли участие в беспорядках, на Кабилию обрушился град авиаударов, а в ее прибрежной части – корабельных залпов. Жителей деревень, зачастую совершенно невинных, каратели хватали и расстреливали без суда и следствия.

Под следствием военных трибуналов в ноябре 1945 г. оказались 4560 человек, в том числе 3696 – из департамента Константина, 505 – из департамента Оран и 359 – из департамента Алжир. В итоге были вынесены 1307 приговоров (99 смертных)¹¹⁷.

Ассоциация «Друзья манифеста и свободы» была 15 мая запрещена. Фархат Аббас и его друзья были арестованы как возмутители беспорядков, хотя это была напраслина; их дело быстро развалилось. Причины же возникновения мятежа объясняли по-разному: то ли происки фашистов, то ли стихийный голодный бунт, то ли плохо спланированная и крайне неуместная по времени акция Партии алжирского народа. Однако все историки сходятся во мнении, что данное событие посеяло семена Революции 1 ноября 1954 г. или послужило ее «генеральной репетицией».

Выйдя на свободу, Фархат Аббас основал в марте 1946 г. Демократический союз алжирского манифеста (ДСАМ)¹¹⁸ и вновь стал лидером борьбы за автономию Алжира. 2 июня того года ДСАМ завоевал 11 из 13 отведенных Алжиру мест в Учредительном собрании Франции. По окончании его работы (ноябрь 1946 г.) Фархат Аббас стал членом Собрания Французского союза (непрочный аналог Британского содружества наций). Однако отказ Учредительного собрания Франции принять законопроект об автономии Алжира вызвал разочарование

¹¹⁶ Ibid. Vol. 2, p. 453–454.

¹¹⁷ Ibid. P. 455.

¹¹⁸ Используют также французскую аббревиатуру UDMA/УДМА (Например: *Лауда Р.Г.* История Алжира. XX век. С. 99).

алжирцев в ДСАМ, и хотя Аббас решил преобразовать его в партию, ДСАМ редел, потеряв 4 тыс. из первоначальных 7 тыс. своих активистов.

Политическое лидерство переходило к Движению за торжество демократических свобод (ДТДС)¹¹⁹, основанное в ноябре 1946 г. Мессали Хаджем на базе довоенной Партии алжирского народа. Однако и он, возвратившись на родину в октябре 1946 г.¹²⁰, нашел в ПАН подросших «молодых львов» и не смог удержать ДТДС от развала. Летом 1954 г. Движение за торжество демократических свобод раскололось на две фракции: «мессалистов» и «централистов», т. е. сторонников Мессали Хаджа и сторонников ЦК ДТДС, соответственно. Кипевшая и раньше между ними жестокая борьба «фактически парализовала главную силу алжирского национально-освободительного движения»¹²¹.

Наиболее действенной оказалась подпольная Специальная организация (OS/OC), «второе дно» Партии алжирского народа и, соответственно, ДСАМ, занимавшаяся террористической деятельностью; из нее-то и вырастет авангард восстания.

¹¹⁹ Используют также французскую аббревиатуру MTLD/МТЛД (Там же, с. 99).

¹²⁰ Ему не разрешили, однако, поселиться в каком-либо крупном городе, и он обосновался в местечке Бузарра, где и устроил свою штаб-квартиру. (*Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Vol. 2. P. 469*). В 1952 г. был выслан во Францию.

¹²¹ *Ланда Р.Г. История Алжирской революции 1954–1962. М.: Наука, 1983. С. 35.*

4.6. «Органический статут» Алжира

Национальное собрание Франции долго обсуждало этот «статут» и, наконец, 20 сентября 1947 г. приняло один из четырех предложенных вариантов. Согласно ему, признавалась автономия Алжира в рамках Французского союза на правах ассоциированного члена, причем законодательная власть в этой стране делегировалась парламенту, избираемому всеобщим голосованием¹²². Оно прошло в апреле 1948 г. двумя турами, а результаты его были грубо сфальсифицированы. В итоге избранными оказались всего 18 алжирцев: 9 представителей ДТДС, 8 – ДСАМ и один – АКП¹²³.

¹²² *Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Vol. 2, p. 472–505.*

¹²³ *Ланда Р.Г. История Алжира. XX век. С. 101.*

Глава 5

Революция 1 ноября. Разгул ненависти и террора

*О девица! Подай нам вышить,
Бочку целую открой, здесь парашютисты.
Ведь дорога дальняя, а ночь темным-темна.
И завтра нам в большой прыжок.
Ох! О! Хо! Ох! О! Хо!
Мы не терпим ни унылых, ни шутов,
Воевать в двадцать лет – так хорошо!*

Куплеты французских парашютистов¹²⁴

5.1. Прелюдия и первая фаза войны

Поражение французской армии в Индокитае (битва при Дьенбьенфу, 7 мая 1954 г.) подхлестнула энтузиазм алжирских мятежников. Там многонациональный французский экспедиционный корпус, в котором звучала многоязыкая речь и мелькали белые, черные, смуглые, желтые лица, был разбит в его же укрепленном районе силами Вьетмина. Летом того же года были заключены Женевские соглашения¹²⁵, согласно которым Франция ушла из Индокитая, и теперь, по мнению алжирских революционеров, должна была наступить очередь Магриба. Даже Фархат Аббас считал, что необходимо вооруженное восстание.

Его готовили заговорщики во главе с Ахмедом Бен Беллой (1919–2012) – одним из основателей ФНО, созданного 26 октября 1954 г. Он родился в городке Марния близ границы с Марокко, в семье крестьянина-середняка. У его отца было 30 га земли, но плохой, неорошаемой; семью выручала мелкая торговля в городе¹²⁶. Посещал школу-лицей в Тлемсене; во время Второй мировой войны служил во французской армии помощником ротного старшины и удостоился боевых наград. После демобилизации в 1945 г. был избран муниципальным советником Марнии, но вступил в стычку при защите своей фермы от агента французских властей, ранил его и ушел в подполье. Вступил в Партию алжирского народа и в ОС. В марте 1950 г. был арестован, через два года бежал из тюрьмы в г. Блида и в 1953 г. после «крюка» во Францию объявился в Каире. Призыв Бен Беллы к алжирцам начать восстание против колонизаторов как раз и передало 1 ноября 1954 г. каирское радио.

¹²⁴ Boisseau Ph. Les loups sont entrés dans Bizerte, récit vécu. Paris: FranceEmpire. 1998, p. 36–37

¹²⁵ Конференция в Женеве прошла 26 апреля – 21 июля 1954 г. Во время нее произошла битва при Дьенбьенфу. Основные участники: Франция, Великобритания, СССР, КНР, США. Последние итоговый документ не подписали.

¹²⁶ Ланда Р.Г. Ахмед Бен Белла / Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока. М.: Издательство МГИМО-Университет. 2018, с. 141.

Женевская конференция 1954 года. Слева в первом ряду министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Источник: официальные фотографии, розданные участникам конференции

Видимо, начало алжирского восстания было не случайно приурочено ко Дню всех святых, который по церковному календарю католиков приходится на первый день ноября и является во Франции – для верующих и неверующих – традиционным днем посещения кладбищ. Воззвание повстанцев словно говорило алжиро-европейцам: «чемодан, вокзал, пароход – или гроб» (надпись, часто мелькавшая в Алжире на заборах европейских особняков или на стенах их домов).

Вместе с тем пробил колокол по многим простым алжирцам. Обочины дорог Ореса, первого очага восстания, были утыканы кольями с отрезанными головами «коллораборационистов» или тех, кто водил дружбу с французами, например с сельским фельдшером или учителем. Впрочем, так было и в других местах, например возле Филиппвиля.

Нельзя не заметить, что и для Франции, и для Алжира, которые де-юре считались единой территорией, это была гражданская война со всеми присущими таковой жестокостями, вероломством, военными преступлениями и политическими разногласиями. Так, еще до того, как она началась, во Франции «твердолобые» напали на премьер-министра Пьера Мендес-Франса не только за то, что он пообещал внутреннюю автономию Тунису, но и за то, что он якобы слишком либерально мыслил в отношении Алжира, решив вернуться к его Органическому статусу, обновив сей документ¹²⁷. 4 февраля 1954 г. Мендес-Франс был свергнут решением парламента.

Лучшие писатели Франции взялись в ту пору за журналистику. Среди них и христианский моралист Франсуа Мориак, и философ-экзистенциалист Жан-Поль Сартр, и Альбер Камю – уроженец Алжира¹²⁸, бывший участник Сопротивления в группе «Combat» («Борьба») и редактор подпольной газеты «Combat».

¹²⁷ Vert A. Франция 1940–1955. Сокр. пер. с англ. М.: Изд-во иностр. литры. 1959. С. 590.

¹²⁸ Сын неграмотной испанки и мелкого служащего винодельческой фермы, эльзасца по происхождению, погибшего на фронте в начале Первой мировой войны, он родился 7 ноября 1913 г. возле местечка Мондови департамента Константина, окончил Алжирский университет, где сочинил в соавторстве и поставил пьесу «Мятеж в Астурии», сыграл роль Ивана в студенческой инсценировке «Братьев Карамазовых», потом жил работой редактора в двух газетах и частными уроками. В начале 1940 г. переехал во Францию. Завоевал писательскую славу в сороковых. Советская литературная критика сочла его эссе «Возмущенный человек» (1951 г.) «архиреакционным» образчиком идеалистической философии, ибо автор утверждал, что всякое правительство, вышедшее из купели революции или восстания, как правило, становится правительством войны.

Его рассказ «Гостеприимство» пронизан болью за тех рядовых французов, которые пали в Алжире жертвами повстанцев. Герой этого рассказа, учитель Дарю, мерзнувший в школе, где на грифельной доске нарисованы мелом четыре главные реки Франции, а детей нет из-за выпавшего в горах снега, неожиданно получает приказ довести по этапу в тюрьму араба, который зарезал родственника, «как барана», вроде бы в ходе семейной ссоры. Жандарм Бальдуччи мотивирует нелепый приказ тем, что в районе неспокойно, кажется, взбунтовались туземцы, и ему надо срочно возвращаться. Учителю жаль обоих: и усатого корсиканца, вздыхающего: «Ну и работенка! Скорей бы на пенсию», и толстогубого араба, хотя он ему противен. Учитель обогревает и кормит преступника, благо в школе хранится запас муки для голодающих, а из Франции идут новые суда с зерном, и утром отпускает, указав две дороги: на юг к кочевникам, которые его приютят, и на восток в местечко, где его ждет тюрьма. Араб почему-то идет на восток, а учитель, вернувшись в школу, видит на доске начертанную неумелой рукой среди изображения меандров французских рек: «Ты выдал нашего брата, ты за это заплатишь». Из окна пустой школы, залитой слепящим солнечным светом, Дарю глядел на небо, на горное плато и дальше, на невидимые ему земли, простирающиеся до самого моря. «В этом обширном краю, который он прежде так любил, он остался один»¹²⁹.

(История французской литературы. М.: Изд-во АН СССР. 1963, С. 570). В 1957 г. был удостоен Нобелевской премии по литературе. 4 января 1960 г. погиб, врезавшись в дерево при езде на автомобиле, за рулем которого сидел его друг.

¹²⁹ Камю А Посторонний. Пер. с франц. Москва – Харьков: Фолио. 1999, с. 528–529.

Портрет Альбера Камю (1957 год) https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/0/08/Albert_Camus%2C_gagnant_de_prix_Nobel%2C_portrait_en_buste%2C_pos%C3%A9_au_bureau%2C_faisant_face_%C3%A0_gauche%2C_cigarette_de_tabagisme.jpg
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Albert_Camus,_gagnant_de_prix_Nobel,_portrait_en_buste,_pos%C3%A9_au_bureau,_faisant_face_%C3%A0_gauche,_cigarette_de_tabagisme.jpg

Узнав о неудачной поездке в Алжир премьер-министра Ги Молле 6 февраля 1956 г., в ходе которой тот «сдал» генерала Жоржа Катру, отозвав его с поста генерал-губернатора Алжира (к этой работе он и не успел приступить)¹³⁰, ведущие сотрудники журнала «l'Express»

¹³⁰ Генерал достаточно круто изменил свои взгляды на колониальный вопрос. Поэтому, когда в парламенте обсуждалась его кандидатура на пост генерал-губернатора, переименованный в «полномочного посланника», в зале раздались голоса: «Катру – это символ отказа от Алжира!».

собрались в редакции. В том числе Жан Даниель¹³¹, Франсуа Мориак и Альбер Камю. Последний был особенно мрачен, он и прервал тягостное молчание: «Я знаю своих, алжирских французов. Теперь власть будет находиться не в Париже, а в Алжире. Там нет больше либералов. Они все сгруппируются вокруг ультра. Будут крысиная грызня, антитерроризм и, наконец, сецессия. Больше ничего уже нельзя сделать, все пропало»¹³². Участник той же дискуссии Жан Даниель сказал: «В истории Северной Африки роль Социалистической партии столь же преступна, как роль правых», имея в виду ее лидера Ги Молле, уступившего буйству толпы «ультра», которая забросала его тухлыми яйцами, камнями и гнилыми помидорами, и не сумевшего навязать ей свою волю. Позже Ги Молле поддержал выдвижение на премьерский пост волевого человека – генерала де Голля, которого многие во Франции напрасно считали уже «музейной фигурой».

Между тем французская армия, пользовавшаяся поддержкой гражданских «ультра», продолжала в Алжире зверствовать. В марте 1957 г. стало известно, что алжирский адвокат Буменджель, не выдержав пыток, покончил самоубийством – выбросился из окна шестого этажа здания, которое парашютисты генерала Массю¹³³

¹³¹ Профессиональный журналист, родился в 1920 г. в алжирском г. Блида, после Второй мировой войны жил во Франции, с осени 1954 г. – корреспондент «L'Express» по Северной Африке.

¹³² *Siritzky S., Roh F. Le roman de l'Express 1953–1978. Paris: Marcel Julian. 1979, p. 103.*

¹³³ Жак Массю (1908–2002) родился в семье офицера-артиллериста, в 1930 г. окончил общевоинское училище Сен-Сир и вступил в ряды колониальной пехоты. Служил в Марокко, Того и Чаде, где присоединился к команде капитана Леклерка. Участник высадки союзников в Нормандии, боев в Германии, а также на японском фронте. После Второй мировой войны командовал парашютистами в Индокитае. В 1954 г. получил назначение в оперативную зону тунисского города Эль-Кеф, откуда в июне следующего года был переведен в Алжир в качестве командующего парашютными войсками Северной Африки. Руководил в 1956 г. высадкой французских парашютистов в Порт-Саиде. В июне 1958 г. он становится (по совместительству) префектом департамента Алжир и сделался одним из главных фигурантов «Битвы за город Алжир», которую также называют «Битвой за Касбу» (см. выше).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.